

РУССКІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЪЯТЕЛИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ПРОШЛАГО ВѢКА

И

ПУГАЧЕВЪ.

—

VIII.

Въ началѣ августа Пугачевъ вступилъ въ предѣлы нынѣшней Саратовской губерніи. Между тѣмъ отдѣльныя шайки его толпы, подъ предводительствомъ особыхъ генералевъ и полковниковъ, съ своею собственною артиллеріею, съ своимъ собственнымъ обозомъ («скошемъ»), съ знаменами и особыми значками, разсыпались по сторонамъ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ, и каждая такая шайка командировала впередъ эмиссаровъ, какъ для подготовки населенія къ принятію «служителей императора Петра третьяго» съ иконами, колокольнымъ звономъ, хоругвями, хлѣбомъ-солью и колѣнопреклоненіемъ, такъ и для вербовки людей въ «армію его величества», для заготовленія провіанта, фуража и подъемныхъ лошадей.

Первый городъ, черезъ который Пугачевъ долженъ былъ прослѣдовать по дорогѣ изъ Пензы въ Саратовъ, былъ Петровскъ. Городомъ этимъ заправлялъ иранорцигъ штатной команды Юматовъ. Воевода и сакретарь почему-то «отлучились» изъ города, такъ что Петровскъ остался на рукахъ Юматова. Въ особой монографіи — «Пугачевскій полковникъ Ивановъ» мы уже говорили, какъ готовился Петровскъ къ встрѣчѣ самозванца. Поэтъ Державинъ, который въ это время взялъ на себя защиту Саратовской губерніи и, поэтому, полемизировалъ (впрочемъ, весьма извѣтельно и въ литературномъ отношеніи безукоризненно) съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, вздумалъ-было скакать съ небольшимъ отрядомъ на защиту Петровска, но какъ увидѣлъ опасность лицомъ къ лицу, то и убѣжалъ обратно.

Почти накануне прихода самозванца, Юматовъ писалъ Державину, что въ Петровскѣ осталось всего только *десять* человѣкъ штатной команды, да и тѣ бунтуютъ. Или Юматовъ лгалъ передъ Державиннымъ, или, въ самомъ дѣлѣ, команда почему либо «отлучилась» изъ Петровска, только послѣдующіе факты подтверждаютъ, что Юматовъ или трусилъ или лгалъ. Скорѣе всего, что онъ трусилъ Пугачева, потому что былъ человѣкъ уже очень дряхлый и бевтолковый (*). Но что страхъ не окончательно лишилъ его разсудка, это видно изъ того, что онъ не отказался отъ чести, предложенной ему Пугачевымъ — быть *полковникомъ* арміи Петра III. Пугачевъ, дѣйствительно, поставилъ его полковникомъ и, по выходѣ изъ Петровска, сдалъ ему управление городомъ. За оказанную ему самозванцемъ честь, Юматовъ изъ всей силы усердствовалъ передъ самозванцемъ императоромъ. Когда толпы Пугачева уже вышли изъ Петровска и оставались только казаки-эmissары пугачевскіе, да разная сводочъ, Юматовъ навербовалъ для самозванца довольно значительный отрядъ, и все это были солдаты той же штатной команды, которой, по отъезду Юматова Державину, оставалось «не болѣе десяти человѣкъ». Такъ онъ выслалъ въ толпу Пугачева 75 человѣкъ 1-ой роты, 81 второй, 56 третьей, 76 четвертой и 30 человѣкъ «чернасошнихъ крестьянъ», а всего 310. Виснмалъ же онъ ихъ подъ таковымъ страхомъ, что если къ высылкѣ въ тое толпу того жъ дня не соберутся, то хотѣлъ изъ жителей сего горда *до пятидесяти* человекъ *перевешать* и одного Федиста Красношорова, что не побѣжать въ тое злодѣйскую толпу, *дѣйствительно* *кляла на плаву* и *затылъ голову отрубить*, но, *за неостыжливостію* *оскоумъ пата* (палача), *за отлучкою* *его*, Юматова, *скрылся*. Такъ усердствовалъ Юматовъ. Посланный Юматовымъ отрядъ догналъ Пугачева уже въ Саратовѣ ниже города «въ кустахъ», какъ говорится въ подлинныхъ документахъ того времени (**).

Неудивительно, что Юматовъ усердствовалъ передъ Пугачевымъ. Передъ нимъ преклонился теперь все, начиная отъ влостей и кончая беднѣйшими бабынками. Настало полное владыче-

* Эта дряхлость Юматова принята была во вниманіе при утвержденіи сенатомъ 10 января 1774 года, «о назначеніи смертнѣю казнь» повѣнана, бунтовца и самозванца Пугачева и его сообщниковъ, при слезномъ «интималной» командѣ прапорщика Ивана Юматова, *за интимную на чинъ офицерскому робастъ*, при разореніи города Петровска, хотя строжайшаго достоинъ онъ названіи, но, *за старостію* *лмъ* уменьшал оное, лишать его чиновъ.

** Въ селѣннѣ, «кустамъ» называли «Улестнѣ», гдѣ стояли толпы Пугачева, до владычѣннѣ Олестнѣ.

ство Пугачевщины. Это уже не былъ оренбургскій бунтъ, а поголовное возстаніе русскаго народа и поголовное избіеніе дворянъ и чиновникъ людей. За Волгой негдѣ было разгуляться страшному пожару: тамъ населеніе было не такъ случено, какъ по сѣ сторону Волги, и не было тамъ такого множества крестьянъ, какъ здѣсь. Всѣ села и деревни поднялись на ноги: нина вставали, когда приходили къ нимъ пугачевскіе эжиссары; другія поднимались, не дожидаясь приказаній самозванца и его полковниковъ. Являются въ село два-три человека изъ предавшейся Пугачеву толпы и, называя себя служителями императора Петра III, приказываютъ собираться мирской сходкѣ. На сходкѣ оновѣщается воля, истребленіе помѣщикова, дешевая соль и прочія великія милости. Собирается крестьянское ополченіе. Затѣмъ приходитъ «злудѣйская толпа», во главѣ которой полковникъ или эсаулъ: въ селѣ раздается звонъ колоколовъ, попы идутъ въ праздничныхъ ризахъ, съ врестами, съ хоругвями и иконами. Народъ стоитъ на колѣняхъ, а старшины подносятъ хлѣбъ-соль. Начинается приводъ жителей къ присягѣ, а затѣмъ гульня, выбираютъ и ставятся новыя власти, на вербованное земское ополченіе верстается въ казаки и всѣмъ стригутся волосы «въ кружалю». Тутъ же идетъ и расправа съ помѣщиками и прочими властями, если на нихъ принесена жалоба. Ставятся реди, а за спѣшностью, висѣлицу замѣняютъ ворота того дома, гдѣ ируеть «злудѣйскій полковникъ».

Такъ было и въ Саратовской губерніи во время прохода по ней скопищъ Пугачева. Вновь на вербованные войны арміи императора тотчасъ отправлялись въ войску — кто къ самому Пугачеву, кто къ его полковникамъ. То и дѣло партій эти, встрѣчая одна другую, обвинявались въ вопросахъ, какъ паролемъ и лозунгомъ:

— Чьи вы?

— Государевы.

— Куда путь держите?

— Въ армію его величества, къ полковнику Обрывалову.

Иногда между партіями завязывались схватки. Полковники драли другъ друга плетьюми, бѣсали и убивали киями и дубьемъ тѣхъ, кто былъ послабѣе. Ни одно село, ни одна деревня не были оставлены этими партіями безъ того, чтобы кто-либо не былъ убитъ, или повѣшенъ. Архиваны дѣла, въ которыхъ имъ рылись, такъ и нестраты именами убитыхъ, застрѣленныхъ, повѣшенныхъ. Пока самъ Пугачевъ двигался изъ Петровска къ Саратову, вотъ что творилось въ окрестностяхъ Петровска, по селамъ и деревнямъ:

Въ селѣ Сердобѣ партією пугачевскою «наглостно застрѣченъ

до смерти плетью» мельникъ, малороссіянинъ Елецкій. «Убить дубьемъ до смерти» пахотный солдатъ Скопинцевъ.

Въ селѣ Покровскомъ-Славинѣ той же партией повѣшенъ въ своемъ домѣ, погъ съ женою и сыномъ.

Въ селѣ Рождественскомъ, Козловка тожъ, въ ночное время, прїѣхавшими туда невѣдомыми людьми застрѣленъ изъ ружья на улицѣ пахотный солдатъ Куликовъ.

Въ селѣ Лопатинѣ воровскіе люди, до 30 человекъ, крестьянина Анисимова, шедшаго отъ заутрени, взяли на улицѣ и, не говоря ни слова, повѣсили на кузницѣ.

Въ селѣ Рождественскомъ, Ориино тожъ, дьяконъ Гаврила Лукинъ, въ домѣ своемъ, за недачу денегъ, на воротахъ повѣшенъ.

Въ деревню Мокрое приведены были трое незнакомыхъ людей и ночью на воротахъ повѣшены. Мертвыя тѣла тотчасъ же сняты и гдѣ брошены — неизвѣстно. Деревня разорена.

Деревни Пещанки помѣщикъ Власевъ заколотъ.

Села Никольскаго, Слѣпцовка тожъ, помѣщикъ Маматовъ убитъ.

Села Рождественскаго, Иволга тожъ, помѣщица Дурасова заколота копыями.

Села Дмитріевскаго, Лысыя горы тожъ, помѣщикъ Чемадуровъ въ лѣсу повѣшенъ.

Села Белгазы помѣщикъ Агишевъ заколотъ.

Деревни Осиновки помѣщикъ Яковлевъ повѣшенъ.

Села Никольскаго, Киселева тожъ, помѣщики Киселевы крестьянами привезены въ Саратовъ и повѣшены. Два приказчика ихъ дома на воротахъ перевѣшаны.

Села Никольскаго, Лисичино тожъ, помѣщица Безобразова въ своемъ домѣ на воротахъ повѣшена.

Утомительно читать эти страшныя дѣла, въ которыхъ съ такою ужасающею краткостью говорится только: «судавленъ на полѣ», «проколота въ горло и въ животъ коньемъ», «утопленъ въ старомъ колодецѣ и засыпанъ землею», «живой брошенъ въ пылающее пламя», «затравлена злодѣйскими собаками», «отрублена голова и на огородину взоткнута», «наглостно сѣченъ плетью и копытными копытами раздавленъ», «прошиблена вистенемъ голова до мозгу», «будучи преслѣдуемъ злодѣями въ болотѣ захлебнулся», «въ бочку головою посаженъ, гдѣ и умеръ». Но веревка, какъ видно, играла господствующую роль: на сто убійствъ по крайней мѣрѣ приходится девяносто убійствъ чрезъ повѣшеніе. Петровскаго протопопа, бѣжавшаго въ лѣсъ, «прятачили изъ лѣсу къ войску, за косу».

Но могло бы быть еще больше этихъ убійствъ и этихъ ужасовъ, еслибы помѣшники и власти не бѣжали заблаговременно куда глаза глядятъ и еслибы разбойники въ комъ либо встрѣчали сопротивленіе. Но этого сопротивленія не было.

Наконецъ, дошла очередь и до Саратова. Тѣ, которые болѣе всѣхъ кричали и язвительно издѣвались надъ Бошнякомъ, какъ-то поэтъ Державинъ и Ладженскій — бѣжали. Остался одинъ осмѣянный Бошнякъ.

«Сначала пронесся слухъ (говорить очевидецъ, старикъ. Калмыковъ *), что Пугачъ идетъ по Симбирской дорогѣ на Саратовъ, по дорогѣ всѣхъ рубить и вѣшать... Держалъ онъ въ осадѣ Оренбургъ, отъ котораго, однако жъ, былъ отраженъ войскомъ генерала Михельсона. Однако жъ, онъ такъ сильно стѣснилъ осадю жителей Оренбурга, что они вынуждены были для утоленія голода собирать съ церковей и домовъ голубинный калъ, который мѣшали съ мукою и тѣмъ себя пропитывали. Когда Пугачъ узналъ, что войско Михельсона уже близко, то, къ величайшей своей досадѣ, вынужденъ былъ снять осаду Оренбурга, не взявши его... Въ Саратовѣ у насъ произошло волненіе: всѣ начали прятать свои сокровища, деньги и вещи зарывали въ землю; дворiane выѣзжали изъ города, а нѣкоторые, однако жъ, остались и изъявили ревность защищать городъ. Нашъ воевода ** отдалъ нанстрожайшій приказъ, чтобы всѣ тѣ, которые въ состояніи были носить оружіе, явились на комендантскій дворъ. Но строгій указъ воеводы мало дѣйствовалъ на народъ, который не зналъ, за что вѣстаться и кого защищать, а многіе изъ города уходили къ Пугачу, слыша, что онъ всѣхъ грабятъ и расхищаетъ, въ надеждѣ поживиться чужою собственностью. Однако жъ, городской голова и старшины города собрали земское войско, которое и представили воеводѣ. Я тоже нигдѣ въ городѣ домъ и семейство, а потому и вынужденъ былъ присоединиться къ этому ополченію. Пришелъ къ воеводѣ, объявилъ свое желаніе быть въ этомъ дѣлѣ сподвижникомъ. У меня было старое заржавленное ружье. Ружье это у меня отобрали, а на мѣсто его дали алебарду ***, записали и поставили съ прочими коньеносцами. Начали насъ потомъ обучать маршировкѣ и только обѣдать и ужинать отпускали домой. Потомъ оставили ученіе и пошли

* Со словъ Калмыкова, умершаго въ 1825 году, саратовскій старожилъ Никитинъ 2-й записалъ разсказъ о взятіи Пугачевымъ Саратова. Рукопись эта («Воспоминанія прошедшаго») находится у насъ.

** Разскащикъ, какъ видно, разумѣетъ не воеводу, а коменданта Бошняка.

*** Безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ не объ алебардахъ, а о копьяхъ, которыми стѣзало общество на свой счетъ (см. «Пугачевщина»).

укрѣплять городъ. Укрѣпленіе это состояло изъ землянаго вала, который хотя и былъ, но уже слишкомъ понизился, и мы подняли его нѣсколько повыше. Валъ претягивался отъ Глѣбова оврага, чрезъ свѣжеримскій базаръ, мимо церкви Михаила Архангела, и кончался у воеводскаго дома. Отсюда начинался непроходимый лѣсъ, въ которомъ всегда укрывались разбойники. Вотъ вся величина города Саратова въ то время!

«На валъ мы поставили нѣсколько чугунныхъ пушекъ на телѣжныхъ передкахъ, которые служили намъ вмѣсто лафетовъ. Войство наше состояло изъ 8,000 человекъ. Сверхъ того былъ одинъ полкъ регулярныхъ солдатъ, которыхъ мы называли *красноперыми*, потому что они носили на киверахъ красныя перья. Солдаты безпрестанно маршировали съ музыкою и барабаннымъ боемъ, дѣлая разводы.

«По укрѣпленіи города, воевода нашъ, соскучившись ждять Пугача, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: для охраненія города отъ оставилъ насъ на валу, въ числѣ 3,000 человекъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ двинулся въ лѣсъ, по петровской дорогѣ, и тамъ скрылся. Онъ намѣревался изъ этой засады напасть на Пугача въ распахъ, съ боку и съ тылу, когда Пугачъ пойдетъ къ московской заставѣ. Намъ же строго приказалъ, что если мы услышимъ палубу, днемъ или ночью, то оставили бы свои укрѣпленія и какъ можно скорѣе двинулись къ нему на помощь, или же нанали бы на Пугача съ центра. Видумца хороша, потому что Пугачъ имѣлъ только конницу порядочную, а нѣхота его составляла была изъ деревенскихъ мужиковъ и разной сволочи; напротивъ, нашъ воевода имѣлъ полкъ обученной пѣхоты и нѣсколько полевыхъ орудій, такъ что еслибъ этотъ планъ намъ удался, то Пугачъ могъ бы быть атакованъ и даже разбитъ. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ тому противное, потому что Пугачъ, видне, умѣе нашего воеводы былъ. Онъ узналъ отъ переметчиковъ, гдѣ укрѣпился воевода, и остановился отъ него въ двухъ верстахъ, показывая видъ, что хочетъ напасть. Это было уже вечеромъ. Ночью Пугачъ приказалъ разложить у себя въ лагерѣ множество огней. Воевода нашъ хотѣлъ напасть на него рано утромъ, думая, что нападеніе это будетъ самымъ выгоднымъ. Онъ говорилъ, что Пугачъ въ это время будетъ спать съ своимъ войскомъ. Но на дѣлѣ не то вышло. Пугачъ оставилъ въ своемъ лагерѣ наибольшій отрядъ, а самъ повернулся выѣвъ и вообразилъ на горѣ Каланчу в Соколову, поставилъ тамъ свою артиллерію, въ тылу нашихъ укрѣпленій, и съ утра началъ стрѣлять съ горы Соколовой по городу, а съ Каланчи поперегъ дороги. Этимъ движеніемъ онъ совершенно отрѣзалъ отъ города

нашего воеводу, а между тѣмъ отрядъ Пугача спустился съ горъ, безпрепятственно перешелъ чрезъ Глѣбовъ оврагъ, явился на пѣшемъ базарѣ и, ограбивъ гостинный дворъ, укрѣнился въ немъ. Къ довершенію бѣдствія, другой его отрядъ явился съ Волги. Этотъ отрядъ слѣдовалъ Волгою на плотахъ, баржахъ и рыбацкихъ лодкахъ, и безпрепятственно высадился на берегъ подъ московскимъ взвозомъ. Оттуда никто не ожидалъ Пугача, и эта часть города нигдѣмъ не была охраняема. Между тѣмъ, Пугачъ безпрестанно стрѣлялъ въ городъ, отчего произошелъ пожаръ. Половина города выгорѣла. Погорѣвшія семейства удалились за городъ, въ лѣсъ, на берегъ Волги, къ красному кресту. Эти несчастные по недостатку продовольствія пытались лѣсными яблоками и кое-какими полевыми ягодами. Бѣдствіе было несказанное.

«Между тѣмъ, воевода нашъ, видя дѣло свое совершенно потеряннымъ, за полезное счелъ съ своею свитою предаться бѣгству, а оставленное имъ войско соединилось съ Пугачомъ. Тогда войско Пугача вломилось въ городъ и начало грабить его безъ милосердія».

Этотъ безыскусственный рассказъ совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ обстоятельства взятія Саратова Пугачевымъ. У Пушкина все это рассказано совершенно иначе. У Пушкина говорится, что Бошнякъ защищалъ городъ до послѣдней возможности, что онъ отстаивалъ крѣпость въ то время, когда самозванецъ громилъ городъ съ Соколовой горы, но что когда брошенная Бошнякомъ изъ мортиры бомба не полетѣла далеко, а упала подъ крѣпостью, когда, потомъ, его артиллеристы, выхвата изъ-подъ пушевъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и сдались, храбрый комендантъ бросилъ крѣпость и съ горстью оставшихся вѣрными ему пробивался *цѣлые шесть часовъ* «свзвозъ безчисленныя толпы разбойниковъ».

Вообще, это мѣсто у Пушкина довольно сомнительно. Онъ, замѣтно, былъ нѣсколько пристрастенъ къ Бошняку, котораго вездѣ выставляетъ героемъ. Даже честь защиты Царицына, куда бѣжала Бошнякъ, онъ приписываетъ больше Бошняку, чѣмъ Цинцетеву. Впрочемъ, у Пушкина не мало не только сомнительныхъ мѣстъ, но даже просто ошибочныхъ.

Но послѣднимъ рассказъ Калашникова дальше.

«Между тѣмъ и мы, говоритъ онъ, оставивъ свои укрѣпленія, вынуждены были бѣжать кто куда зналъ. Я, вмѣсто того, чтобъ идти домой, куда пренятствовалъ мнѣ страхъ явиться, пришелъ въ кирпичные сараи, нашелъ тамъ нѣсколько человекъ своихъ сподвижниковъ, и съ ними вмѣстѣ почевалъ въ горновой печи. Поутру я пришелъ домой. Борота были замерты, ошощи закрн-

ты. Я перелѣзъ черезъ заборъ и нашель свое семейство въ погребѣ. Увидѣвъ меня, всѣ несказанно обрадовались, ибо почтали меня убитымъ.

«Потомъ я отправился въ магистратъ (думу), гдѣ уже народу собралось довольно. Городской голова съ гражданами держалъ совѣтъ, и, наконецъ, рѣшились идти къ Пугачеву съ покорностію. Насъ собралось около трехъ тысячъ человекъ и мы пришли къ нему въ лагерь, который находился на Соколовой горѣ. Пугачъ, увидѣвъ насъ, спросилъ своихъ приближенныхъ:

«— Что это за люди и зачѣмъ пришли?»

«— Это обыватели города Саратова съ градскимъ головою,— пришли къ вашему величеству съ покорностію, отвѣчали ему.

«— Приведите ихъ къ присягѣ, сказалъ онъ.

«Позади его шатра уже много было священниковъ, которые, однако жъ, были въ нетрезвомъ видѣ, и безпрестанно приводили народъ къ присягѣ. Потомъ присягнули и мы. Тутъ насъ подвели ближе къ палаткѣ Пугача и онъ сказалъ намъ рѣчь, во время которой я могъ разглядѣть весьма хорошо его черные глаза и черные усы. Палатка была шелковая, бѣлая, съ разными золотыми узорами. Внутри ея было небольшое возвышеніе, обитое алымъ бархатомъ и золотою бахромою, что все представляло глазамъ весьма пріятный видъ. На этомъ возвышеніи сидѣлъ Пугачъ, во фракѣ, съ кортикомъ, а на головѣ имѣлъ казацкую шапку съ золотымъ крестомъ. Ленту имѣлъ голубую, а на правомъ плечѣ звѣзду. Въ рукахъ у него была зрительная труба, въ которую онъ повременамъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. Свита около него была также съ крестами и медалями, на подобіе генераловъ.

«Онъ сказалъ намъ голосомъ нѣсколько охриплымъ:

«— Я вашъ законный императоръ. Жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я повлился передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до одинаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они всѣ вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ. Я скрылся въ воронежскихъ лѣсахъ, вышелъ оттуда для освобожденія отечества отъ враговъ и на защиту вольности, драгоценной для всякаго русскаго. Ступайте, живите и наслаждайтесь ею. Помните, что у васъ есть императоръ, которому въ вѣрности вы дали клятву».

«Съ тѣмъ насъ и отпустилъ, и мы, поклонившись ему до земли, разбрелись въ разныя стороны. Я пошелъ, какъ будучи его подданный, ничего не боясь, по его лагерью, протиснутому по горѣ, гдѣ стояли пушки. Казацкая конница рыскала повсюду, а пѣкота его, которая состояла изъ разной сводочи и деревенскихъ му-

живовъ, топились около кипѣвшихъ котловъ съ мясомъ. Всѣ были пьяны, курили трубки. Слышенъ былъ шумъ и ругательства. Немного подалѣе стояло нѣсколько кучекъ ружьевъ, поставленныхъ такъ же, какъ и у настоящихъ солдатъ. Потомъ дошелъ я до оконечности Соколовой горы, гдѣ она пересѣкается рѣкою Волгою. Тутъ представилось мнѣ зрѣлище совсѣмъ въ другомъ родѣ: поставлено было нѣсколько висѣлицъ, и на висѣлицахъ этихъ безпрестанно вѣшали мужчинъ и женщинъ, не взирая на ихъ просьбы, плачь и рыданія. Тѣла убитыхъ обирали и бросали подъ гору, къ рѣкѣ Волгѣ, гдѣ ихъ опять брали и относили въ Волгу. Захвачено было нѣсколько семействъ дворянскихъ, кои, для сокрытія своего званія, одѣты были въ крестьянское платье и намазаны сажею. Но этотъ способъ укрывательства мало имъ помогаль, потому что злодѣи узнавали ихъ изъ разговоровъ, и всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти. Потомъ пригнали съ Волги человекъ 60 бурлаковъ, которыхъ обвиняли въ томъ, будто они ругали ихъ царя Петра третьяго. Бурлаки плакали и просили:

— Батюшки, за что вы насъ хотите убить? Мы вышли на суднѣ изъ Астрахани, и не только что ругать вашего Петра третьяго, но не знаемъ, кто онъ такой и котораго онъ роду и не видали его...

«— А! вскричали палачи Пугачевы; вотъ они сами сознались, что нашего императора не признають... Вѣшать ихъ!»

«И всѣхъ этихъ несчастныхъ предали смерти и обирали донага.

«Я нивагъ не могъ постигнуть причины, почему этотъ Пугачевъ не вѣзжалъ въ городъ, а оставался на Соколовой горѣ даже до отступленія своего отъ города.

«Наскучило мнѣ смотрѣть на это отвратительное убійство, и я возвратился въ городъ. Тутъ увидѣлъ я другое зрѣлище, не лучше предыдущаго: солдаты, народъ, казаки и всякая сволочь кричали пьяные и толпами бѣгали по улицамъ, всѣхъ грабили, а противящихся убивали. Мертвыхъ тѣлъ, по городу валавшихся, было множество, и ихъ никто не убираль. Одна буйная толпа, которая состояла человекъ изъ пятидесяти, шибко бѣжала невѣдѣно куда, и обратила мое вниманіе тѣмъ, что среди ея былъ мужикъ огромнаго роста, въ поповской золотой ризѣ, а на головѣ у него, вмѣсто шапки, надѣтъ былъ бабій волосникъ... Лавки, церкви, кабаки и всѣ богатые дома были начисто ограблены...»

Разсказываютъ, что когда Пугачевъ громилъ Саратовъ изъ

пушекъ, въ нему вдругъ подбѣгаетъ одинъ изъ его генераловъ и говорить:

— Ваше величество! у насъ бѣда случилась.

— Какая бѣда?

— Ядеръ и картечи не хватаетъ.

— Это бѣда, да не большая: у васъ и не такая была бѣда— государя не было, а теперь есть... Будутъ ядра и картечи.

— Да теперь нѣтъ, ваше величество.

— Возьмите городъ,—тамъ есть ядра и картечи. У русскаго царя много городовъ, много припасовъ—какъ же вы говорите, что ядеръ нѣтъ?

— Саратовъ не повинуется вашему величеству.

— Тамъ вотъ вамъ ядра и картечи, сказалъ самозванецъ, указывая на мѣшки съ мѣдною монетою:— стрѣляйте казеннымъ добромъ—пусть знаютъ мои подданные, что у меня добра много.

И канониры стали заряжать пушки мѣдною монетою и стрѣлять въ городъ. Когда народъ въ Саратовѣ замѣтилъ, что изъ лагеря самозванца летятъ на него деньги, многіе закричали:

— Идемъ къ батюнкѣ-царю съ повинною: онъ деньгами стрѣляетъ, стало-быть, много у него казны царской. Не даромъ говорить, что онъ царь милостивый.

— Это деньги не его, а матушкины-государыни, говорили другіе.

Но первые осилили послѣднихъ, и городъ покорился самозванцу.

Когда начали приводить народъ къ присягѣ, пѣный магистратскій канцеляристъ Судаковъ взобрался на соборную колокольню и, распустивъ конецъ краснаго «сассандрійскаго» холста, въ видѣ знамени, кричалъ къ народу:

— Братцы! православные христіане! кто за батюнку-государя, иди въ церковь къ честному кресту приложиться.

На этотъ крикъ стекался народъ съ базарной площади и съ пристани.

— Сюда, сюда, православный народъ! кричалъ Судаковъ.

Многіе полѣзли на колокольню, а другіе кричали:

— Будетъ ужъ намъ мяться... отслужили мы своимъ гонителямъ.

— Идемъ батюнкѣ-царю поклониться, вошли третьи.

— Идемъ добро дворянское дѣлить промышъ себя, кричали четвертые.

Въ это время на площадь нахлынула толпа холодниковъ, которыхъ освободили изъ острога. Они несли въ рукавъ что-то выдалы, что дубье, и бандалами равбивали огна у богатыхъ людей.

Кабани были разбиты и казенное добро распивалось на площади обезумѣвшею толпою *. Въ одномъ питейномъ домѣ, цѣловальникъ котораго хотѣлъ-было не допустить толпы до грабежа напитковъ, пьяные колодники повалили цѣловальника на землю и перекатывали черезъ него огромную бочку съ виномъ, пока несчастный не былъ задавленъ.

Между тѣмъ въ лагерѣ самозванца шла стрижка «въ кружало», по казачьи, всѣхъ приставшихъ къ толпѣ Пугачева и изъявившихъ желаніе записаться въ его армію. Явился и дьячокъ Крестовоздвиженской церкви Меодіевъ, который также захотѣлъ идти въ казаки.

— Кто ты таковъ? спрашивали его старшины.

— Церкви Воздвиженья честнаго креста пономарь Лука Меодіевъ.

— Присягалъ государю Петру Третьему?

— Присягалъ — и желаю въ войско его величества записаннымъ быть.

Его тотчасъ же остригли въ кружало, одѣли въ казацкое платье и посадили на лошадь...

IX.

Эта дикая оргія продолжалась въ Саратовѣ около недѣли. Почему самозванецъ такъ долго оставался въ этомъ городѣ, когда онъ не могъ не знать, что по нитамъ его гонятся Мюфель и Михельсонъ — неизвѣстно. Наконецъ онъ покинулъ и этотъ городъ. Часть своего войска онъ посадилъ на суда и лодки, а съ конницею и остальною пѣхотою и со всѣмъ своимъ «кошемъ» двинулся по астраханской дорогѣ.

При взятіи Саратова, войско его, по однимъ источникамъ, составляло болѣе десяти тысячъ, по другимъ — едва достигало

---

* ...«вооруженные казаки и старшины во всемъ городѣ, какъ обывательскіи, такъ между тѣмъ въ питейныхъ домахъ за проданныя питея денежную казну пограбили и вслѣдъ казенные напитки безденежно выпили безъ остатку и разныхъ народовъ къ тому допускали, а потомъ — закладенныя кирпичами въ казенныхъ выходахъ двери и окна выломали, и двери отбили, въ которыхъ казеннаго вина имѣлось множественное число, и бочки съ виномъ прорубили, дны вышибали и обручья разсѣвали, также чрезвычайно сами пили и разныхъ людей безденежно позволено допустили и по дворамъ таскали ведрами, кувшинами и всякою посудю августа по 12-е число... а канцелярскія приходныя и расходныя книги и всѣ происходившія дѣла означеннымъ злодѣемъ брашены въ воду, всѣ безъ остатку».

8,000 человекъ.*. Впрочемъ, мѣрять каковыми бы то ни было числами толпу Пугачева — невозможно. Это была обрушившаася на Россію свѣжняя лавина, которая то разбивалась на части, какъ бы расплывалась въ пространствѣ и повидимому исчезала, то разомъ становилась страшною массою, которую можно было измѣрять не десятками, а сотнями тысячъ. Всѣ бунтовавшіи провинціи всего юго-востока Россіи составляли его армию, которая то скучивалась около самозванца, то разбивалась на партизанскіе отряды, въ нѣсколько сотъ и тысячъ, и въ обоихъ случаяхъ была страшною, неотразимою силою. Даже въ сентябрѣ, когда Суворовъ, по заключеніи мира съ Турціею, скакалъ изъ Москвы, чтобы помѣряться силами и умѣньемъ съ невѣдомымъ ему, но опаснымъ противникомъ, и когда Пугачевъ, уже разбитый Михельсономъ ниже Царицына, метался изъ стороны въ сторону по безлюдной заводской степи, вдали отъ самозванца, между Пензой и Саратовымъ, бродили еще его толпы, которыя, также какъ и бѣжавшія съ нимъ пайки, принадлежали къ его же великой арміи. Объ этомъ говорить и историкъ Суворова, Антинъ**.

Гроза, такимъ образомъ, двигалась по направленію къ Астрахани или къ Дону, смотря по тому, куда было выгоднѣе или удобнѣе броситься самозванцу.

Но въ то время, когда Пугачевъ уже взялъ Саратовъ, и защитники его Державинъ, Ладженскій и Бошнякъ бѣжали, Кречетниковъ, астраханскій губернаторъ, ничего не зная что дѣлается въ Саратовѣ, вотъ что писалъ Цыплетеву: «сего числа (6-го августа) получилъ я отъ васъ репортъ по извѣстію отъ господина полковника и саратовскаго коменданта Бошняка о происходившихъ варварствахъ отъ злодѣя Пугачева въ разныхъ мѣстахъ; причеъ и требуете не повелѣно-ль будетъ господину полковнику князю Дундукову со всѣми военными людьми подкрѣпить Царицынъ съ линіею. Я, видя такоее разливашееся злодѣйство и всѣмъ намъ вообще крайнее бѣдство, не только изъ вашего, но вѣщѣе изъ репортовъ и отъ саратовскаго комен-

* «Sa force sous Saratow était presque de huit mille hommes, pour la plupart payans mal armés, parmi lesquels il n'y avait que mille hommes d'infanterie réglée, qu'il avait lèvés avec environ douze canons, quatre régimens de cosaques du Don et trois cents cosaques d'Uralak, qui seuls lui étaient restés fidèles sur cinq cents qui s'étaient attachés à lui au commencement.» Fr. Anthing: Les campagnes du comte de Souvoroff-Rymnikski. I v., 157—158.

** «Il (Суворовъ) rencontra souvent aussi des troupes du parti de Pugatschew, mais on ne l'attaqua point, et de son côté comme il avait peu de monde, il ne jugea pas non plus à propos d'attaques». Ibid. 157.

данта, въ сіе жь время полученныхъ, не преминулъ въ сохраненіе ея императорскаго величества высочайшаго интереса, по должности моеѣ, *о предохраненіи предпримать ему, командиру, достаточное наставленіе (должно уже!), и, сверхъ того, сего жь числа, къ нему, подполковнику князю Дундукову послать ордеръ, чтобъ какъ наискорѣе съ камицкимъ войскомъ и казаками къ Царицыну приближиться и соединиться съ дербетовыми камицками и поступать по вашему наставленію. Вслѣдствіе чего вашему высокоблагородію и предписую, дабы царицынскому линію тѣми войсками прикрыть и смотрѣть къ Новохоперской крѣпости, и если злодѣи осядутся, то велѣть ему, князю Дундукову, обще съ находящимся въ Царицнѣ легкой полевой команды майоромъ Дяцомъ, на отраженіе злодѣя итти и стараться его въ конецъ истребить, о чемъ и саратовскому командиру ордеромъ моимъ предложено, чтобъ онъ, взвѣдя и развѣдывая на обратности злодѣя, есть ли онъ клониться будетъ къ Дону, *чего сърно ожидать должно*, то бѣ майора Дяца съ полевой командою въ Саратовъ не брать, а велѣть бы ему итти къ Пензѣ, заграждая Новохоперскую крѣпость, чтобъ тѣмъ Донъ былъ прикрытъ. Чего ради ему, командиру, и знать дано, что князю Дундукову велѣно къ Царицыну приближиться, и ежели отъ него майоръ Дяцъ будетъ посланъ къ Пензѣ, то бѣ онъ отъ себя далъ ему изъ Саратова казаковъ достаточное число, *воихъ онъ и имѣетъ, а въ городѣ въ нихъ нужды не настощитъ.**

«Совсѣмъ тѣмъ (продолжалъ Кречетниковъ) *зота мнѣ отсюда (изъ Астрахани) точно всею предвидѣть не можно*, но весьма я за непремѣнное почитаю, что Дипу *теперь же* быть должно отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, то тѣмъ самымъ Саратовъ и прикроется. Но развѣ злодѣи отъ Сибирска покусатся, въ такомъ случаѣ должно быть майору Дипу *и въ той сторонѣ*, и для того, подавъ ему, саратовскому командиру, наставленіе, то и другое предоставилъ на его распоряженіе, рекомендуя больше совѣтывать съ находящимися въ Саратовѣ начальниками, единодушно сохраняя, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ ея императорскимъ величествомъ и отечествомъ, непоколебимую вѣрность и ревность, стараясь изыскивать ко истребленію злодѣйства и защищенію наилучшія средства, къ чему употребить и волжскаго войска атамана Персидкаго, со всѣми казаками, не разсуждая ни о малолѣткахъ, и ниже объ отставныхъ, но къ тому ихъ всѣхъ выкомандировать и крайне попецсичь таковой разливающейся адъ дагѣе не допустить и всѣми мѣрами распынать ево въ прахъ, въ чемъ я, по извѣстной вашей надежности, несомнѣнно на васъ и полагаюсь,

яко вы, по вѣрноподданнической должности своей и ревности въ службѣ ея императорскаго величества, конечно въ точность исполнить не оставите, за что и можете получить не только похвалу, но и высочайшее отъ ея императорскаго величества награжденіе».

Такъ писалъ Кречетниковъ, дѣйствуя ощущею, потому что онъ ничего, повидимому, не зналъ о послѣднихъ дѣйствіяхъ самозванца. Такимъ же точно образомъ, подобно Кречетникову, поступали и всѣ прочія правительственныя лица въ то горячее время. Въ тотъ моментъ, когда Саратовъ находился уже въ рукахъ Пугачева и когда Державинъ и Вошнякъ бѣжали изъ него, Кречетниковъ узналъ старымъ вѣсти о «разливающемся злодѣйствѣ и всѣмъ намъ — какъ онъ выражается — крайнемъ бѣдствѣ», и когда Саратовъ уже присягнулъ Пугачеву, Кречетниковъ посылаетъ Вошняку «достаточное наставленіе» относительно защиты Саратова, наставленіе, которое могло достигнуть до Саратова не раньше 12-го или 11-го августа, т.-е. когда Пугачевъ уже далеко оставилъ за собою разворонный имъ городъ. Мало того: вѣрнѣе сомнѣваясь въ вѣрности донскаго войска, Кречетниковъ велитъ Диду прикрыть Донъ вмѣстѣ съ калмыцкими войсками; а чтобы прикрыть Донъ, надо было идти къ Пензѣ, куда Дидъ могъ поспѣть изъ Царицына *съ концы августа*, тогда какъ Пугачевъ *съ концы июля* уже прошелъ Пензу! И это еще не все: Кречетниковъ велитъ Вошняку послать съ Дидемъ къ Пензѣ саратовскихъ казаковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, Саратову «*нужды не настоятъ*». Но *въ тѣ часы*, когда Кречетниковъ писалъ это распоряженіе изъ Астрахани, въ Саратовѣ происходило совсѣмъ не то, что предполагалъ Кречетниковъ: *въ эти часы* саратовскіе казаки передавались самозванцу и казацкій пятидесятникъ Уфимцевъ поставленъ Пугачевымъ въ саратовскіе коменданты или, какъ говорится въ тогдашнихъ бумагахъ, «главнымъ командиромъ». Кречетниковъ самъ сознается, что ему «отсюда», т.-е. изъ Астрахани, «точно всего предвидѣть не можно», но при всемъ томъ онъ приказываетъ Диду быть отъ стороны Дмитріевска и Петровска къ Пензѣ, т.-е. въ одинъ и тотъ же моментъ быть на протяженіи *пятисотъ верстъ*. Но Кречетникова смущаетъ и такое предположеніе: а «если злодѣи отъ Сибирска покусятся» — что тогда дѣлать? Въ такомъ случаѣ Диду надо быть и въ той сторонѣ! И все Дидъ, вездѣ Дидъ... Эти распоряженія, какъ извѣстно, стояли жизни бѣдному Диду. Когда онъ, вмѣстѣ съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкимъ войскомъ дербетова улуса *, а также съ донскими ка-

* Пушкинъ говоритъ, что въ этомъ сраженіи калмыцкія войска были предводительствуемы князьями Дундуковымъ и Дербетовымъ (Ист. Пуг. бунта I, 154).

заками, встрѣтилъ Пугачева ниже Камышина (а по призыву Кречетникова онъ долженъ былъ встрѣтить его подъ Пензой!) и когда калмыки раземпались при первомъ выстрѣлѣ пугачевскихъ орудій, Дяцъ былъ убитъ...

Въ то же время Кречетниковъ сообщалъ Цыплетеву, что 28-го іюля онъ отправилъ къ нему пакетъ для передачи генералъ-майору князю Багратиону, находившемуся съ войскомъ на Дону, но что, вѣроятно, пакетъ этотъ пропалъ, а потому «по причинѣ упоминаемаго разливающагося зла», требовалъ извѣстія объ этомъ пакетѣ. Князю Багратиону велѣно было съ своимъ detachmentомъ двинуться къ Новохоперской крѣпости, чтобы такимъ образомъ всю линію, донскія жилища и самую крѣпость прикрыть отъ великорусскихъ губерній.

Само собою разумѣется, что эти заглазныя распоряженія только мѣшали Цыплетеву дѣйствовать. Въмѣсто того, чтобы приготовиться къ отпору и стаять къ извѣстнымъ и самымъ опаснымъ пунктамъ всѣ войска, какия могла располагать та мѣстность, Цыплетевъ долженъ былъ на все исправивать разрѣшенія. А между тѣмъ время шло, Пугачевъ былъ уже близко. Нечего было и думать о посылкѣ Дяца къ Пензѣ. Цыплетевъ писалъ Кречетникову, «что положеніе дѣлъ слишкомъ дурно, извѣщаль и о «склонности извѣстнаго злодѣя къ Дону», т.-е. о томъ, что движеніе Пугачева слишкомъ тяготѣетъ къ Дону. Не видя спасенія для Царицынской военной линіи, по которой въ маленькихъ крѣпостцахъ и форпостахъ, сидѣли небольшія команды съ самою жалкою артиллерією, Цыплетевъ просилъ, чтобы ему позволено было эти команды и эту артиллерію забрать въ Царицынъ, чтобы все это не досталось Пугачеву, а между тѣмъ оберегательныя силы Царицына нѣсколько усилятся этими скудными средствами. Хотя поздно, но Кречетниковъ позволилъ это, только позволеніе оказалось уже бесполезнымъ — очистить линію не успѣли... Владѣльцу калмыковъ дербетова улуса, Цендену, и правителямъ калмыцкаго народа велѣно было немедленно подвинуться къ Царицыну съ двухтысячнымъ войскомъ, которое началось на Кубань. Равнымъ образомъ велѣно было двинуться къ линіи и князю Дундукову съ своими калмыками. Князь Багратионъ также долженъ былъ поспѣшить къ донскимъ границамъ.

Всѣ эти распоряженія Кречетникова получены были въ Царицынѣ 11-го августа. Въ послѣднемъ ордерѣ къ Цыплетеву Кречетниковъ прибавлялъ: почему я, усмотря приближеніе злодѣевъ

Никакого тамъ князя Дербетова не было, а у Дундукова въ арміи были калмыки «дербетова улуса».

къ здѣшнимъ мѣстамъ, «мы мало ни умножили; на отраженіе ихъ послѣднимъ къ Царицѣ и самъ». Эту фразу, т.-е. что «мы мало не умножили» послѣднить къ Царицѣ и самъ — Кречетниковъ повторялъ слишкомъ часто; но обѣщанія своего, не исполнилъ. Неприятель былъ единственно страшнѣе, чтобъ рисковать столкнуться съ нимъ лицомъ къ лицу. Между тѣмъ донское войско не малое: войсковой грамотой отъ 5-го августа оно поручило войсковому старшинѣ Василію Манкову принять въ свое вѣдѣніе станицы Трехосиоровскую, Голубинскую, Пятинаблскую и Варнечаракую и со всѣми вѣдѣніи станицъ казаками велѣно идти на истребленіе самозванца и его слодичъ. Но Манковъ былъ въ недоумѣніи, какъ недоумѣвало все въ это ужасное время: гдѣ Пугачевъ? откуда его ждать? гдѣ сосредоточить силы для борьбы съ опасностью? «Но гдѣ бы нынѣ оной злодѣи и намѣнникъ Пугачевъ съ его багровымъ теломъ былъ — ненавѣстно!» (говоритъ Манковъ въ своемъ донесеніи). А Пугачевъ былъ уже недалеко отъ донскихъ предѣловъ. Надо было двигаться все впередъ и впередъ, а иначе опасность должна была застигнуть всѣхъ врасплохъ. Но вотъ у князя Дудукова, командовавшего калмыцкими войсками, не оказалось ни одного штабъ-офицера, и онъ проситъ ближайшія власти прислать къ нему хоть когонибудь. Встревожилось и волжское войско: защищаться нечѣмъ, казаковъ нѣтъ, крѣпостей въ войскѣ, кромѣ форпостовъ, также ни одной; главный городъ войска также ничѣмъ не защищенъ; а въ немъ войсковая казна — надо ее спасать... Войско рѣшилось спасать свою казну въ Царицѣнѣ — ее и отправили въ Царицѣнѣ.

Мы уже говорили выше, что правительство боялось донскаго войска. И дѣйствительно, это могъ быть страшный союзникъ для Пугачева. Но доны успокоили опасенія правительства. «Отъ донскихъ атамановъ и казаковъ, отъ войскаго наказнаго атамана Семена Судина и отъ всего войска донскаго» повсюду разосланы были увѣщательныя грамоты, по всѣмъ станицамъ, во всѣмъ походнымъ атаманамъ и старшинамъ. Грамоты эти велѣно было «публиковать на полныхъ станичныхъ сборахъ, всѣмъ до единаго, со всякимъ вниманіемъ и увѣщеваніемъ надлежащимъ, дабы онѣ (т.-е. казаки) вѣрную свою присягу, ревность и усердіе къ ея императорскому величеству соблюдали навѣки невредимо, а злодѣя Пугачева всѣми образами старались истребить въ прахъ и тѣмъ отъ ея императорскаго величества заслужить вѣчную и несмертельную себѣ и потомкамъ славу». Такимъ образомъ, зашевелилось все, какъ на Дону, такъ и во всей той мѣстности, по которой долженъ былъ проходить самозва-

ночь. 11-го августа, князь Багратиѣвъ, «въ маршѣ при станицѣ Пятицбннской», писалъ Цицхетеву: «*дѣлаю ослѣпій демъ переходъ мѣкъ-самъ стѣну!*» Отъ войска Донскаго прибылъ на царининскую линію пошедшій атаманъ Перфиловъ съ 562 казаками, каждый казакъ «о дву конь», для переменъ, въ случаѣ быстрихъ переходовъ, усталыхъ коней свѣжими, и съ нимъ было на линію 6 сотниковъ, 6 сотниковъ, 6 корунжихъ. Перфиловъ не вступалъ въ ярѣности и фѣрпосты по линіи, но держалъ разбѣды и жабкодадь, не пожится ли непріятель въ окрестностяхъ. Выѣстъ съ тѣмъ двигался съ своими командами и полковникъ Себрыковъ. Все шло со дня на день встрѣчи съ ужаснымъ непріятелемъ, а между тѣмъ въ командѣ Себрыкова не осласлось ни свинцу, ни пороху * — и онъ просилъ и того и другаго по 25 пудовъ у Цицхетева. Тамъ приходилось Цицхетеву: со всѣхъ сторонъ его забрасывали требованіями, вопросами, просьбами и неуспѣшными распоряженіями. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣхъ, посылать ко всѣмъ, всѣмъ отвѣчать и все предвидѣть. Прислалъ въ Царининъ Бонивель, спасшійся изъ Саратова съ 35 человѣками — и тамъ требуетъ пороха и свинцу, потому что заряды, которые онъ имѣлъ, сунотреблены въ пашубу, противу государственнаго бунтовщика и аора Пугачева всё безъ остатку».

Принимательство видѣло, что для подавленія мятежа мало кѣкъ войтъ, которыми оно распелгало. Притомъ войска, дѣйстви- тельно противъ Пугачева на дальнемъ сѣверѣ, въ Оренбургской и Маванской губерніи, а равно за Ураломъ, далеко отогла- отъ неутомоннаго бунтовщика. Объ этихъ войскахъ не было ни- какихъ положительныхъ извѣстій, а если и приводили отъ нихъ реляціи, такъ по этимъ реляціямъ видно было, что чинъ не успе- няться за лихихъ партизаномъ и его шайками, а между тѣмъ опасность грозилъ государству уже на югѣ, пожаръ изъ-за Урала и Оренбурга перекинулся въ Воронежскую и Астраханскую гу- берніи. Надо было послать противъ ужаснаго казака-вотрубниа силы, и вотъ потянулись войска изъ западныхъ губерній, изъ Малороссіи. Начальникомъ этихъ новыхъ воиныхъ силъ князь Долгоруковъ назначилъ графа Мусина-Пушкина, который дол- женъ былъ взять подъ свое начальство князя Багратиѣва съ его detachementомъ и свѣшить на защиту Воронежа, куда уже про- бравшесъ шайки пугачевскихъ полковниковъ Иванова, Маиен- ского и другихъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ прислалъ князю

* «Необходимо на поблду онаго (государственнаго измѣнника Пугачева) потребенъ казаканъ порохъ и свинець», писалъ Себрыковъ Цицхетеву.

Багратиону сказать въ Воронежу съ своимъ штабомъ на почтовыхъ, и въ помощь ему командировать отрядъ пѣхоты. «А я — прибавлялъ онъ въ своемъ ордерѣ къ князю Багратиону — останусь на нѣсколько дней, для некоторыхъ распоряженій, въ Полтавѣ».

Вотъ уже въ какихъ мѣстахъ отдавались раскаты грома!...

Между тѣмъ войсковой старшина Манковъ, командированный противъ Пугачева съ казаками четырехъ станицъ: Трехостровской, Голубинской, Пятиизбянской и Верхнечирской, спѣшилъ форсированнымъ маршемъ къ соединенію съ княземъ Дундуковымъ и калмыцкими войсками. Онъ забралъ съ собою все, что могло носить оружіе. Съ нимъ были служилые и оставшие казаки, «выростки» и казачьи дѣти-малолѣтки, не моложе, впрочемъ, семнадцати лѣтъ. Переправившись черезъ Донъ, Манковъ, для болѣе быстраго хода, бросилъ «тяжелыхъ» казаковъ и весь хлѣбъ, оставивъ себѣ провіанта только на десять дней, и пошелъ на Усть-Малую Ведерейку, потомъ на верхи Березовой рѣчки и на Балнлею къ предѣламъ волжскаго войска. Правительство отряды, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе стягивались къ волжско-донскому перешейку, гдѣ въ настоящее время проведена волжско-донская желѣзная дорога. Этого перешейка Пугачевъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ миновать.

А Пугачевъ шелъ все ближе и ближе. Наступали уже для него, такъ и для правительства самыя роковые дни. До Астрахани и до Петербурга, почти одновременно, долетѣла печальная вѣсть о взятіи Саратова, «о измѣнѣ донскихъ, волжскихъ и саратовскихъ казаковъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ, съ ихъ командиромъ, майоромъ Салмановымъ», о бѣгствѣ изъ Саратова Державина и Бошнява, о дальнѣйшемъ движеніи самозванца къ югу, а тамъ, кто поручится за войско Донское? кто поручится за всѣ войска, когда уже измѣнили и донскіе и волжскіе казаки, наковдившіеся въ Саратовъ и Петровскъ, когда измѣнили, наконецъ, артиллерійскіе и батальонные солдаты съ майоромъ Салмановымъ?

Вѣсть о паденіи Саратова и предательствѣ тамшнихъ войскъ, была тяжелымъ ударомъ для правительства. Еще болѣеющимъ ударомъ она была для Бречетникова, который долженъ былъ думать, что не мѣшкать и ему общей, горькой участи, «сія столько мерзая предъ самимъ Богомъ измѣна обер-офицеровъ, артиллерійскихъ и батальонныхъ солдатъ и войскъ ихъ сообщниковъ въ службѣ ея императорскаго величества и въ нарушеніи клятвы и вѣрности ихъ ни малѣйше терпима быть не можетъ (писалъ онъ Цыцметеву), кои тѣмъ и подвергли себя по зако-

камъ тягчайшему наказанію, яко есть воли ея императорскаго величества и всему обществу противныма и упущено не будетъ».

И опять, по поводу этого горькаго извѣстія, Кречетниковъ пишетъ безвѣзочно длинный ордеръ, въ которомъ не скудится на приказанія и заглавные распоряженія; но самъ не снѣжить къ мѣсту опасности. Онъ приказываетъ только, чтобъ Бониная, если онъ уже въ Царицынѣ, принялъ начальство надъ мѣстными войсками, «въ чемъ—прибавляетъ Кречетниковъ—*по извѣстной расторопности его*, въ сей ему довѣренности надежно на него я и полагаюсь». Затѣмъ велитъ донести о волжскихъ казакахъ, всё ли они собрались, чтобъ идти въ поддержаніе войскъ, расположенныхъ около Царицына. Онъ надѣется, что силами, которыми располагалъ Цыплетевъ, весьма легко разбить самозванца. Напрасно! Эти силы были далеко недостаточны для того, чтобы ибратъ съ такимъ противникомъ, какъ Пугачевъ. Надѣясь на помощь Бониная и его команды (а въ этой командѣ осталось только 35 человекъ!), Кречетниковъ пишетъ Цыплетеву, что «и сами вы въ своемъ гарнизонѣ въ двухъ батальонахъ, имѣете на лицо ибхоты до восьми сотъ человекъ, и сверхъ того легкую полевую команду и часть донскихъ казаковъ,—слѣдовательно, изъ разнаго званія войска составляетъ не малой корпусъ, *которымъ того злодея поразишь весьма надежно, ибо по репорту саратовскаго коменданта извѣстно, что онъ малосиленъ*». Но малосиліе это было такого свойства, что противъ него не могли устоять и не такія силы, какъ малій «корпусъ» Цыплетева. При всемъ томъ, Кречетниковъ требуетъ во что бы то ни стало на бунтовщиковъ «наисильнѣйше навалитъ и въ конецъ такихъ вреднѣйшихъ враговъ пораантъ и истребить, и до ухода на Донъ и на Кубань не допустить». Сидя въ безопасной Астрахани, Кречетниковъ не перестаетъ наставлять Цыплетеву: «на поспраніи государственныхъ враговъ и вредителей спокойствія», а между тѣмъ велитъ какъ можно безопаснѣе провести въ Петербургъ, съ нерадостными вѣстями, своего посланнаго, капитана Сажожникова—на Тамбовъ ли, или на Воронежъ, куда бы только можно было проѣхать.

Сообщеніе съ Петербургомъ, такимъ образомъ, прекратилось... Отправляемыя съ курьерами и нарочными самоважнѣйшія бумаги пропадаютъ. Пропадаютъ безъ вѣсти и нарочные. Гроза приближалась къ Камышину. Этотъ городъ долженъ былъ неминуемо погибнуть. Власть сама сознавалась, что Камышинъ «столь безсиленъ, что и на малое защищеніе воинскихъ людей въ немъ быть не можетъ, къ тому жъ и городъ состоитъ ничѣмъ не укрѣпленный, то и остается совсѣмъ открытымъ на жертву зло-

двѣмъ». Вотъ почему такъ прѣехалъ изъ него въ Парицкую съ своей командой казацкѣй сотникъ Рабчинскій, притворившій свою трусость весьма неловкими доводами... Надо было подумать о Каминскѣй — и вотъ въ подкрѣпленіе ему посылають часть легкой полевой команды, отрядъ карабинеровъ генерала князя Багратиона, нѣсколько орудій и нѣсколько отрядовъ кавказскихъ войскъ. Этими движеніемъ думали притереть и земли волжскаго войска, воложскія станицы и Дубовку.

Но было уже поздно!...

Правительственныя войска вездѣ опаздывали... Не сводившая одинъ только Михельсонъ, но и объ немъ давно уже не было никакихъ слуховъ. За то прошли новыя неблагоприятныя слухи. Ниже Парицка, на Волгѣ, появились «воровскія партіи», которыя, какъ стало извѣстно, влозились въ «зловѣщую язву». Воровскія партіи — это та знаменитая и безпобойная понизовая волыница, отъ которой страдало все привожье въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Понизовая волыница проснувшись потому, что явившійся царь былъ ея царемъ, предводителемъ бурмаковъ, разбойниковъ, каторжниковъ, безпаспортныхъ и всякой голытьбы. Невпріятель, такимъ образомъ, подходилъ съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и съ юга, и надо было во что бы то ни стало помѣшать объединенію двухъ однородныхъ разоруженныхъ силъ. Въ довершеніе зла, волненіе охватило и въ волжскомъ поволжьи: надо было вездѣ возбуждать, все предупреждать. Надо было вращать мѣрки къ «удержанію смущающихся волжскихъ казаковъ»; надо было ловить и понизовую волыницу, которая ужьла прославлять много самыхъ строгихъ и крѣпкихъ карналовъ.

Но вотъ, наконецъ, пѣхнѣ одна противъ другой враждебныя силы столкнулись.

17-го августа, донскою старшиа Манковъ, о которомъ мы говорили выше, между прочимъ, писалъ Цинклетеву: «прошедшей ночи встрѣтившися со явдою на походѣ, по полудни часу въ десятюль, два казака полку полковника Бутейникова объявили, что ихъ полкомъ побито злодѣйской толпы до пяти-сотъ, и такъ-де онѣ тамъ были только однѣ, то, по малости ихъ, принуждены были уступить и, оставя Дубовку, прослѣдовать на Пичугу».

И такъ, первое столкновение этихъ силъ было не въ пользу правительственной стороны. Хотя казаки и побѣди 500 пугачевцевъ, но должны были отступить передъ силою, болѣе ихъ могущественною. Эти неблагоприятныя вѣсти должны были заставить Манкова быть осторожнѣе: слѣдуя противъ самозванца, онъ успѣлъ дойти до урочища Визникова, какъ получилъ извѣстіе о стнчѣхъ съ пугачевцами Бутейникова, и потому, оставя излишнюю

тяжесть и взявъ съ собой хлѣба только на три дня, тотчас двинулся къ Дубовкѣ, которой всего болѣе угрожала опасность. Онъ взялъ съ собой «лучшихъ людей». Съ нимъ былъ и старшина Поздѣевъ. Другая партія послана на Илоху. Отъ Ницуги до Иловли протянуть бѣгъ, такимъ образомъ, непрерывный кордонъ. Но что могъ сдѣлать казацкій кордонъ противъ всѣхъ силъ самозванца? Хотя Манковъ и писалъ, что «какъ скоро свѣдаю о злодѣѣ, что онъ пробиратца начнетъ къ Царцину, куда и я, стремясь на него по тракту, поспѣшу», однако все это разсѣялось, какъ только на эту мѣстность надвинулась вся сила Пугачѣва.

X.

Но вотъ наступилъ рѣшительный день для Царцина, а съ тѣмъ жѣстѣ и для Цыплетева. Это было 21-го августа.

Къ Цыплетеву прискакалъ гонецъ отъ походнаго атаманъ войска Донскаго и отъ полковниковъ, съ бумагой, написанной подъ вліяніемъ непреодолимаго страха. Бумага писана на клочкѣ, вѣроятно на походѣ, гдѣ-нибудь за кустомъ, или на сѣдлѣ, вся измята, какъ бы была она сунута спѣшно въ карманъ, или за пазуху. Письмо безсвязное, почеркъ торопливый, чернила, по-видимому, тутъ же на походѣ, разбавлены водою и дурно сходять съ пера. Почеркъ—самаго Манкова, а подписи, кромѣ его собственной, знаменитыхъ донскихъ начальниковъ: Михайла Денисова, Василя Перфилова, Григорія Поздѣева, Варлаама Денисова и Карпа Денисова. Все это писано торопливо, дрожащими руками.

Вотъ что писали начальники отрядовъ донскихъ казаковъ:

«Сколь нашей усердности вашему высокоблагородію довольно известно, но, къ нещастію общему и къ погашенію славы, нашей всего войска донскаго кровію, изъ находящихся при насъ подкомандныхъ нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли нанесли страхъ такой, что мы о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидимъ, и хотя изъ оныхъ изъ находящихся при насъ еще большая половина и осталась съ нами, но что послѣдуетъ и отъ нихъ, увѣрить никакъ теперь не можно. А за тѣмъ отъ истиннаго нашего сердца Господа Бога просимъ, чтобъ онъ по своему милосердію подкомандныхъ нашихъ даровалъ прѣжнюю донскимъ истинную по присягѣ храбрость, въ чемъ на его всемогущество мы и не безнадѣжны».

Это — измѣна донскихъ казаковъ, которые шли защищать

волжско-донской перешеекъ, и отъ успѣха которыхъ, слѣдовательно, зависѣлъ успѣхъ дѣла всей Россіи. Эти отряды поколебались. За ними могъ поколебаться весь Донъ, а тамъ, въ союзѣ съ ними, кубанскіе народы и турки могли разорвать только что заключенный кучукъ-кайнарджійскій миръ и пойти на Россію, и тогда еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ былъ бы перевѣсъ.

Что же дѣлалъ въ это время Пугачевъ?

Мы оставили его въ Саратовѣ. Изъ Саратова онъ пошелъ прямо къ Камышину, а флотилія его двигалась по Волгѣ. Мы сказали, что Камышинъ не былъ защищенъ. На прикрытіе его посланъ былъ Дидъ съ своею командою и князь Дундуковъ съ калмыцкими войсками. Но повторяемъ—было уже поздно. Камышинъ былъ взятъ. Комендантъ его, полковникъ Касперъ Меллинъ убитъ. Городъ весь расхищенъ.

— Въ Камышенѣ большаго сопротивленія не было, говорилъ самъ Пугачевъ о взятіи этого города: засѣлъ было въ кремль комендантъ, однакожъ Овчинниковымъ былъ взятъ, который былъ и убитъ, также и прочіе.

Пушкинъ ошибочно говоритъ, что при приближеніи самозванца къ Камышину его встрѣтилъ Дидъ съ пѣхотами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею донскихъ казаковъ и пѣхотами калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Вопервыхъ, встрѣча эта была уже послѣ взятія Камышина и гораздо ниже этого города, именно у рѣчки Пролейки; во вторыхъ, въ этомъ сраженіи участвовали калмыки «дербетева улуса», а отнюдь не князь Дербетевъ: владѣлецъ этихъ калмыковъ былъ Ценденъ.

Такимъ образомъ Камышинъ погибъ по винѣ губернатора Кречетникова, который постоянно запаздывалъ съ своими распоряженіями. Онъ опоздалъ и тутъ. Ордеръ его, адресованный на имя несчастнаго Меллина, съ «пристойными наставленіями», какъ встрѣтить и поразить злодѣя, не засталъ уже въ живыхъ эту невинную жертву канцелярской волокиты астраханскаго губернатора и былъ полученъ Цыплетевымъ!

Наконецъ Пугачевъ встрѣтился съ правительственными войсками, но не съ тѣми, которыя гнались за нимъ и не могли догнать, а съ тѣми, которыя должны были перерѣзать ему дорогу. Войска эти были—легкая полевая команда, подъ предводительствомъ Дидца, калмыцкія войска, подъ предводительствомъ князя Дундукова, и донскіе казаки, подъ начальствомъ полковниковъ Кутейникова и Карпа Денисова. Встрѣча эта была у верховьевъ рѣчки Пролейки. Трусость калмыковъ рѣшила битву не въ пользу правительства. Калмыки, при первомъ пушечномъ

выстрѣлъ, рассыпался. Дрогнули и другія войска. Дядь былъ убитъ; артиллерія, въ числѣ десяти пушекъ, досталась непріятелю. Весь обозъ, канцелярія, бумаги, книги — все осталось въ рукахъ самозванца. Только Кутейниковъ бился отчаянно. Онъ съ тремястами пятьюдесятью казаками... встрѣтя государственнаго злодѣя Пугачева, бивъ на всю ево сволочную тодпу, при которой и самъ злодѣй былъ, по самыя пушки, покололъ въ смерть болѣе ятисотъ злодѣевъ». Но и онъ не выдержалъ общаго натиска и, когда бѣжали всѣ, бѣжалъ и онъ. Храбрый Кутейниковъ не снесся однако: черезъ нѣсколько дней его настигли толпы самозванцевъ, всего изранили, взяли въ плѣнъ, привели къ самозванцу, который и велѣлъ его разстрѣлять. Раненаго повели къ оврагу, чтобы тамъ застрѣлить. Когда въ него выстрѣлили и Кутейниковъ упалъ, то разбойники думали, что онъ убитъ, и бросили его. Несчастный съ трудомъ доползъ оттуда до Качалинской станицы*.

Такимъ образомъ, трусость калмыцкаго войска была причиною

* Приводимъ здѣсь въ подлинникѣ любопытное показаніе самого Кутейникова объ этомъ дѣлѣ. «Сего теченія 20-го числа (говоритъ онъ), по бытности моеи, обще съ господами полковниками, въ городѣ Царицынѣ, откуды въ слѣдованіи нашемъ къ полкамъ, къ рѣчки называемой Мечетной, усмотря на другой сторонѣ оной отъ Дубовки, съ рѣчки Царицынской Пячуги, изъ толпы извѣстнаго Пугачева гонять за командированнымъ передъ тѣмъ, съ двусотимъ числомъ казаками, полковникомъ Карпомъ Денисовымъ, къ которымъ на свуръ и мы того жъ часу посидѣли, куда по прибытіи набѣжалъ на меня лицаго полка полковникъ, который мною исколанъ, а я отъ него и прочихъ трижды дротиками раненъ и взятъ въ плѣнъ, и нѣсколько битъ еще ружейными и дротовищными ударами, а потомъ приведенъ былъ къ нему, злодѣю Пугачеву, который по утру, то-есть 21-го августа приказалъ меня застрѣлить изъ ружья, но, однако, по приведеніи меня къ яру, отъ выстрѣла по мнѣ ружейнаго я не убитъ, а только къ тому еще раненъ и оставленъ былъ почтаемъ нами за мертво, гдѣ я пробылъ, пока она, мерская толпа, къ Царицину проѣхала, а потомъ, вставъ, шель пѣшъ къ Качалинской станицѣ, но, по обдержимымъ меня вышеобъявленнымъ четыремъ не малымъ ранамъ, я въ полтора сутокъ денно и ночью до Саварской почты дойти не могъ, да и дойти былъ въ отчаяніи. Но, однако, вчерашняго, то-есть 22-го числа наѣхавшими на меня, бѣжавшими отъ онаго Пугачева Иловлинской станицы казаками до оной доведенъ, гдѣ и нынѣ нахожусь. Того ради симъ вашему высокоблагородію (Цыплетеву) донеса, всепокорнѣе прошу, по вышеписанному обстоятельству, да и прежде, по откомандированіи меня при его сіятельствѣ, господнѣ полковникѣ князѣ Дундуковѣ, отъ вашего высокоблагородія, сего жъ мѣсяца 16-го числа, съ дву стю семи казаками, ко искорененію прописаннаго злодѣя Пугачева, котораго и наѣхавъ въ вѣдѣніи Волскаго войска, у Балкеевской станицы, въ урочищѣ на рѣчки Пролейки, гдѣ, да и въ семъ показанномъ случаѣ, я не закрылъ своего лица съ прописаннымъ числомъ команды моеи казаками, прогнавъ его мерское собраніе за ихъ пушки, гдѣ и побито нами по примѣру до пяти сотъ человекъ и т. д.

того, что Пугачевъ еще разъ одержалъ побѣду. Но это была его послѣдняя побѣда. Впрочемъ, трудно рѣшить, могли ли бы устоять противъ натиска полчищъ самозванца Дицъ и князь Дундуковъ, еслибъ даже калмыки и не разсипались при первомъ выстрѣлѣ неприятельскихъ орудій. Во всякомъ случаѣ, силы самозванца были гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которыми располагали Дицъ, князь Дундуковъ, Кутейниковъ и Денисовъ*.

Въ битвѣ при Пролойкѣ много было побито и много взято въ плѣнъ. Кромѣ легкой полевой команды, самозванецъ захватилъ много донскихъ казаковъ. Отъ плѣнныхъ своихъ онъ хотѣлъ вывѣдать, можно ли ему разсчитывать на Донское войско. Въ числѣ донскихъ плѣнныхъ находился старшій казакъ Гололобовъ, который не разъ бывалъ станичнымъ атаманомъ въ Березовской станицѣ. Пугачевъ узналъ, что онъ пользуется уваженіемъ между своими казаками, и велѣлъ его привести къ себѣ. Самозванецъ сидѣлъ на «амбонѣ»**. Около него стояли явдкіе старшины и писарь. Гололобовъ былъ раненъ въ послѣдней битвѣ — нѣкому ему прокололи лѣвую руку, и онъ подпоясалъ ее поясомъ. Пугачевъ спросилъ Гололобова:

— Видно, старичокъ, тебя нѣкою поколони?

— Поколони яздкія, яздкія казакъ, отвѣчалъ Гололобовъ.

— Не хорошо ты говоришь, старичокъ, о моихъ яздкіихъ казакахъ: они не яздкія, а мнѣ, вашему законному государю, слуги верные, возражалъ самозванецъ:—тѣ яздкія, что противъ меня воюють... Послужи и ты мнѣ, старичокъ, и скажи войсгу донскимъ казакамъ, что подъ скипетромъ моимъ они всѣ мною дозволены будутъ.

Гололобовъ молчалъ.

— Что жъ ты, старичокъ, не говоришь?... Садись у меня и выпей чарку водки.

Гололобовъ отказался отъ водки.

Тогда ввели въ палатку къ самозванцу еще нѣсколько донскихъ казаковъ.

— Слать вы, други мои, противъ меня воевали? спросилъ ихъ самозванецъ.

*Весьма любопытно видѣть, какъ Бручотниковъ извѣщаетъ калмыкамъ ихъ трудность. «Калмыки — говорятъ онъ въ своемъ ордерѣ — по переломѣ изъ пушекъ отъ яздкѣвъ выстрѣлъ, послужившій, рассѣяніемъ: во время на яздкѣ, яко на стѣнѣхъ и сдѣлалъ невозможности людей, и издѣлалъ да и ездкѣ скидать невозможно, которые, по своему, болше дядьму, состоятню и военнаго фронта составить не могутъ».

** Вѣроятно на амбонѣ — на возвышеніи.

— Мы воевали по присягѣ, отвѣчалъ за нихъ Гололобовъ: — кому присягали, за того и воевали.

— Присягните теперь мнѣ, и я васъ оводочу, и съ донскими и яицкими казаками раздѣлю все мое царство.

Никто не отвѣчалъ.

— Не бойтесь, дѣтушки, я государь милостивый... Скажите донскимъ казакамъ, чтобъ всѣ подъ мою руку шли, а жену мою, которая на сторону дворянъ предалась, я сошлю въ Соловки, Богу молиться за грѣхи.

— Таковыя гнусныя рѣчи намъ слушать непристойно, возразилъ Гололобовъ: — вели насъ казнить, а присягу мы не переступимъ.

— Ты, старичокъ, ослѣвленъ, сказалъ Пугачевъ: — по старости твоей я тебѣ всѣ вины твои прощаю.

Затѣмъ, онъ велѣлъ своему царю написать указъ къ Донскому войску, въ которомъ приказывалъ, чтобы войско Донское преклонилось на его сторону, и что самъ онъ на саихъ дняхъ прибудеть въ Черкасскъ.

— Ты, старичокъ, отвезешь мой указъ войсковому атаману... Кто у васъ атаманъ?

— Указа я не возьму, и ни чьихъ указовъ безъ войсковой грамоты не слушаю, отвѣчалъ упрямый старикъ.

Тогда Пугачевъ велѣлъ вывести Гололобова изъ палатки и повѣсить. Казнь тотчасъ же была исполнена. Но казнь висѣльницъ не было готовой, то Гололобова привали въ обозъ, распресли одну телѣгу, оглобли подняли вверхъ, стянули ихъ хомутомъ, и на привязанной къ хомуту веревкѣ повѣсили старика.

Когда надѣвали ему на шею петлю, онъ сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ не вдалекѣ донскимъ казакамъ:

— Повлонитесь отъ меня, братцы, донскіе казаки, славному войску Донскому... Скажите на Дону, чтобъ прелестнымъ словамъ измѣнника и самозванца Емельки Пугачева не вѣрили.

Исправлявшій должность палача, яицкій казакъ, зажалъ ему рукою ротъ — и петля была затянута.

Пугачевъ, такимъ образомъ, не могъ не видѣть, что ему не удается преодолѣть на свою сторону войско Донское. Хотя въ Петровскѣ, въ Саратовѣ и по дорогѣ къ нему приставали донскіе казаки, но все это были частные случаи, и на измѣну всего войска онъ не могъ надѣяться. Взявши его сторону, волжское войско не могло принести ему значительной поддержки: оно было слишкомъ малочисленно. Несмотря на пышный приемъ, который самозванецъ встрѣтилъ въ станицахъ этого

войска*, онъ не могъ не догадываться, что такого пріема не видать ему въ донскихъ станицахъ. Изъ волжскаго войска онъ, однако, отправилъ свои манифесты на Донъ, но манифесты эти попались въ руки лицъ, принадлежавшихъ къ правительственной сторонѣ, и отъ войска Донскаго онъ не получалъ благопріятнаго отвѣта. Ему оставался одинъ выходъ — на Кубань, въ Персію, въ Турцію, и онъ бѣжалъ, опрокидывая все, что ему попадалось на дорогѣ. Попадались люди — онъ ихъ вѣшалъ; попадались строенія, жилище, хутора — онъ ихъ грабилъ, потому что за нимъ валила сволочь, которая искала поживы въ каждой избѣ, въ каждомъ карманѣ. Современникъ-нѣмецъ говоритъ, что самозванецъ бѣжалъ, какъ-бы преслѣдуемый страшнымъ голосомъ, который кричалъ вслѣдъ ему: «мѣра твоей жестокости уже исполнилась!»**

А между тѣмъ, его «грозный гонитель» Михельсонъ уже настигалъ свою жертву. Никто не зналъ, гдѣ Михельсонъ, что онъ дѣлаетъ. Послѣ стычки съ самозванцемъ подъ Казанью, когда разбитый имъ противникъ кинулся черезъ Волгу, и на правомъ берегу бросилъ въ народъ страшное слово — «воля», когда какъ электрическая искра прошла по Россіи вѣсть, что Москва и Петербургъ въ опасности, что Пугачевъ уже двинулся по нижегородско-московской дорогѣ, Михельсонъ, болѣе другихъ понявшій всю опасность этого движенія самозванца къ сердцу Россіи, бросился перерѣзать ему дорогу. Такимъ образомъ, Михельсонъ кинулся къ сѣверу, чтобъ прикрыть Москву, а за нимъ Петербургъ съ императорскимъ трономъ, а Пугачевъ круто поворотилъ на югъ, и эти страшные противники разошлись надолго — болѣе, чѣмъ на мѣсяць. Но Михельсонъ не терялъ изъ виду своего врага: когда оказалось, что самозванецъ не думаетъ идти на Москву, Михельсонъ направилъ своихъ неутомимыхъ конниковъ опять вслѣдъ за тѣмъ, за кѣмъ онъ гонялся и въ оренбургскихъ степяхъ, и въ дикой Башкиріи, и за уральскимъ хребтомъ. Каждый день все приближалъ его къ непобѣдимому дотолѣ противнику.

Но они еще не столкнулись. У Пугачева впереди было еще нѣсколько дней.

Передъ приходомъ самозванца въ Дубовку, въ этомъ городѣ вспыхнуло волненіе между рабочими людьми и арестантами. Во

* Подробности этого см. въ «Пугачевщинѣ» и въ статьѣ «Пугачевскій покровникъ Ивановъ».

** Der elende schnob Rache, weil man ihm seinen schönsten Raub abgejagt hatte, und die gewaltige Stimme der Gerechtigkeit mochte ihm unaufhörlich zu rufen: «Das Maasz deiner greuel ist voll!...»

время работъ, которыя производились войсковымъ атаманомъ для укрѣпленія города, нѣсколько колодниковъ столкнулись съ рабочими, и одинъ изъ арестантовъ закричалъ къ тѣмъ, которые работали неподалеку:

— Братцы, бросайте лопаты — пора встрѣтить батюшку.

— Какъ, батюшку? вступились конвойные казаки.

— Батюшку-государя Петра Ѳеодоровича.

— Стой! закричалъ одинъ конвойный: — измѣна...

Онъ бросился за ружьемъ, которое стояло недалеко у плетня. Но рабочіе схватили его и повалили на землю.

— Пустите, и я пойду съ вами, молился притиснутый къ землѣ конвойный.

Товарищъ его, у котораго была только казацкая пика, бросился бѣжать къ войсковому правленію.

— Господа старшины! кричалъ онъ, подбѣгая къ правленію: — у насъ злодѣи проявились.

Тревога распространилась по всей Дубовкѣ. Изъ домовъ выбѣжали казаки, и бросились къ войсковому правленію. Тамъ имъ объявили, что взбунтовались колодники и рабочіе люди. Казаки поспѣшили къ мѣсту бунта, но тамъ уже не было бунтовщиковъ. Они успѣли бѣжать изъ Дубовки, вмѣстѣ съ тѣмъ казакомъ, который конвоировалъ ихъ.

За бѣглецами послана была погоня; но нагнать ихъ не успѣли.

Вскорѣ за тѣмъ, нагрянулъ и самъ Пугачевъ. Войсковой атаманъ, старикъ Персидскій, бѣжалъ изъ Дубовки. Остальное войско покорилося самозванцу, и всѣ казаки, которые были въ силахъ носить оружіе и сидѣть на конѣ, пошли за самозванцемъ. Вмѣстѣ съ прочими пошелъ и извѣстный *депутатъ Горскій* *, сотникъ астраханскаго казачьяго полка. Этотъ Горскій, несмотря на званіе «депутата», принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи въ Дубовкѣ умовъ къ принятію самозванца ** и, когда Пугачевъ вошелъ въ этотъ городъ, вступилъ въ его толпу. Горскій поэтому судился впоследствии, въ числѣ главныхъ сообщниковъ Пугачева и, какъ сказано въ сентенціи суда, «за легкомысленное прилѣпленіе къ толпѣ злодѣйской, лишень депутатскаго достоинства и названія».

Послѣ того, какъ Пугачеву покорилось волжское войско, ему оставалось только взять Царицынъ, чтобъ открыть свободный

* «Депутатами» назывались тѣ, которые участвовали въ знаменитой «Коммиссіи Уложенія».

** ...«онъ, Горской, въ приближеніе злодѣя къ Дубовской станицѣ чинилъ тамо многія въ народѣ смущенія и пріуготовленія къ его пріѣзду».

путь на Кубань или въ Персію, мѣруя земли войска Донскаго. Вотъ почему Царицынъ считается такимъ важнымъ пунктомъ въ стратегическомъ отношеніи, и вотъ почему на него обращено было особенное вниманіе правительства. Но при всемъ томъ, средства Царицына были ничтожны. Цыплетеву надо было выбрать одно изъ двухъ — или сосредоточить всѣ мѣстныя брвенныя силы въ царицынской крѣпости, или ослабить ихъ, раставивъ ничтожный запасъ войскъ по всей военной царицынской линіи, по ея жалкимъ крѣпостямъ и форпостамъ. Цыплетевъ рѣшился на первое средство.

Но тогда оставалась беззащитною и обнаженною вся военная линія отъ Волги до Дона. Надо было рѣшиться на крайность, и Цыплетевъ избралъ крайнее средство. Какъ москвичи, въ 1812 году, поступили съ первопрестольнымъ городомъ, такъ поступилъ Цыплетевъ съ военною линіею и ея укрѣпленіями. Люди и лошади, въ ожиданіи прихода самозванца, до того были загнаны, что не съ кѣмъ, да и не на чемъ было отправлять казенную почту и всякую частную корреспонденцію. Всякія сообщенія въ той мѣстности прекратились. Для перевозки тяжестей не хватало лошадей, которыя были или всѣ въ разгонѣ, или взяты подъ воинскія команды. Курьеры или нарочные ходили пѣшкомъ. Мѣстные жители, въ ожиданіи того же подрома, отравили весь свой скотъ съ нагорной стороны Волги на острова или на луговую сторону. Но и тамъ не спаслись стада скота и табуны лошадей: ихъ угодили киргизы. Само собою разумѣется, что если нечѣмъ было защитить царицынскую военную линію съ ея крѣпостями и форпостами, то не на чемъ было и перевозить изъ этихъ крѣпостей и форпостовъ въ Царицынъ артиллерію и артиллерійскіе припасы.

Вотъ почему Цыплетевъ рѣшился уничтожить крѣпостную и форпостную артиллерію, чтобъ она не досталась Пугачеву. Онъ приказалъ испортить лафеты подъ пушками, пушки заклепать и зарыть въ землю, а всѣ снаряды и припасы *бросить въ воду*. Въ архивныхъ дѣлахъ поэтому сохранились цѣлыя вѣдомости о томъ «сколько число какой артиллеріи, принадлежностей, снарядовъ и припасовъ въ приближеніи злодѣя и варвара Бугачева», по неимѣнію подводъ, въ Царицынъ не привезено и осталось въ тѣхъ мѣстахъ (то-есть на линіи, по форпостамъ) зарытые въ землю, принадлежность переломана, а снарядъ брошенъ въ воду, а что чего именно, явствуетъ подъ симъ». И «подъ симъ» значится, что съ царицынской линіи и съ крѣпостей за-

* Пугачевъ иногда называется *Кугачевымъ*.

рыто въ землю пушекъ чугунныхъ $3\frac{1}{2}$ фунтовыхъ 3, двухфунтовыхъ 1, «съ раковинами къ селятацу годныхъ», $3\frac{1}{2}$ фунтовыхъ 1, $2\frac{1}{2}$ -фунтовыхъ 1, двухфунтовая тоже одна, лафетовъ, состоящихъ подъ пушками, дубовыхъ, окованныхъ, съ крестовыми колки 7, банниковъ съ «прибойники», пушечныхъ, овчинами обитыхъ, 29, ганшиговъ дубовыхъ паръ 29, калиармусовъ 3, клинбевъ дубовыхъ паръ 29, крышекъ пушечныхъ — свинцовыхъ 7, деревянныхъ 29, вирога и мотыгъ 13, картечь пушечныхъ 100, пирамидъ для влажн шуфль в банниковъ 6, пороку пушечнаго 21 пудъ, мушкетнаго 2 пуда 30 фунтовъ, ручнаго 10 фунтовъ, пижвниковъ съ трещетки пушечныхъ 9, рогожъ, цыповокъ 55, трубокъ тростяныхъ сборострѣльныхъ 2,500, свѣчъ палительныхъ 100, шуфль пушечныхъ жестяныхъ разнаго калибра 7, ядеръ пушечныхъ 1,740, ящиковъ для содержанія картечи и протчаго 6, фитела палительнаго 5 пудовъ 28 фунтовъ, фтулокъ деревянныхъ пушечныхъ 29».

Ниже Царицына находится нѣмецкая колонія Сарепта. Она основана была за нѣсколько лѣтъ передъ Пугачевымъ моравскими братьями или гернгутерами. Такъ-какъ колонія эта подвергалась частымъ нападѣніямъ киргизъ-кайсаковъ и понизовой вольницы, то для отраженія непріятеля она и снабжена была нѣсколькими орудіями. Но этихъ орудій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы противостать съ ними всѣмъ силамъ Пугачева, который едва-ли долженъ былъ миновать Сарепту. Ихъ слѣдовало перевезти въ Царицынъ, или, въ противномъ случаѣ, они слѣдвали бы добычею самозванца. Однако, и сарептскую артиллерию перевозить было и не на чемъ и некогда — Пугачевъ былъ уже слишкомъ близко. Тогда Цыплетевъ приказалъ испортить подъ пушвами лафеты, самыя пушки заклепать и зарыть въ землю, а всѣ артиллерійскія принадлежности и припасы, ядра, порохъ и проч. бросить въ воду. Такимъ образомъ, въ Сарептѣ зарыто было въ землю и брошено въ воду 12 чугунныхъ пушекъ съ лафетами, 12-пушечныхъ шуфль, столько же банниковъ, пижвники, ганшиги, втулки, ящики, пирамиды, болѣе 2,000 пушечныхъ ядеръ, множество картечи и проч., и только успѣли перевезти въ царицынскій цейхгаузъ, находившійся въ Сарептѣ, порохъ.

Точно также истреблены были артиллерійскія принадлежности на форпостахъ, расположенныхъ ниже Царицына къ Черному Яру; однако, пушки и заряды успѣли спасти въ Царицынъ.

Наконецъ, Пугачевъ прошелъ и волжское войско. Ему уже остается нѣсколько верстъ до Царицына, а о Михельсонѣ все нѣтъ извѣстій. Не легко было Цыплетеву ожидать съ часу на

часть страшную грозу, особенно когда отъ начальниковъ донскихъ отрядовъ прислакалъ къ нему гонецъ съ письмомъ, о которомъ мы говорили выше. А тутъ со всѣхъ сторонъ поступаютъ требованія объ отпускѣ пороха, свинцу, ядеръ, картечи, и всѣхъ надо было удовлетворить, между тѣмъ, какъ вдали уже видѣлась пыль, поднятая нестройными полчищами самозванца. Впродолженіе одного мѣсяца Цыплетевъ долженъ былъ выдать болѣе 120 пудовъ одного мушкетнаго пороху, болѣе 230 пудовъ свинцу для пуль, не считая пороху пушечнаго, ручнаго и другихъ боевыхъ принадлежностей.

Силы Пугачева, между тѣмъ, не уалялись, а постоянно возрастали. Кромѣ волжскихъ казаковъ, почти подъ самымъ Царицынымъ, къ нему пристали калмыки, которыхъ насчитывалось до 3,000 человекъ. Донскіе казаки также измѣнили, какъ того и боялись ихъ начальники. Шесть донскихъ полковъ увеличили собой армію самозванца, а начальники ихъ бѣжали въ Царицынъ.

Но вотъ и изъ Царицына увидѣли распущенныя знамена и нестройныя толпы народа. Страшное «чудовище» остановилось подъ самой крѣпостью, въ виду донскихъ отрядовъ, которые не знали, что имъ дѣлать, защищать ли крѣпость, или применить къ злодѣйскимъ «толпицамъ», развернувшимъ передъ ними свои знамена и свой безобразный «кошъ», съ безчисленнымъ множествомъ телегъ, колясокъ, палатокъ, съ толпами плѣнныхъ дворянъ и дворянскихъ дѣвицъ. Неудачная, въ первый моментъ, пушечная пальба изъ Царицына рѣшила дѣло не такъ, какъ ожидалъ Цыплетевъ, хотя и былъ предупрежденъ о «сумнительствѣ» донскихъ казаковъ: ядра съ царицынскихъ батарей, случайно, посыпались въ то именно мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки въ нерѣшимости, вступить ли имъ въ борьбу съ невѣдомымъ для нихъ и таинственнымъ человекомъ, или предаться ему — и казаки отдались самозванцу.

— Когда началась изъ Царицына стрѣльба, на то самое мѣсто, гдѣ стояли донскіе казаки, я всѣхъ оныхъ къ себѣ заворотилъ — говорилъ впоследствии Пугачевъ — полковники жъ тѣхъ донскихъ казаковъ всѣ ушли въ городъ.

XI.

Царицынъ, однако, устоялъ противъ Пугачева.

Такъ-какъ подробности осады этого города изложены нами съ достаточною полнотою въ другихъ статьяхъ о данной эпохѣ*, то

* «Пугачевщина» и «Пугачевскій полковникъ Ивановъ».

ни и не будемъ здѣсь вѣсаться этого предмета. Прибавимъ только, что во время канонады города, было выжжено и сломано въ предмѣстьи до 50 домовъ.

Какъ бы то ни было, Царицынъ не достался самозванцу, благодаря распорядительности Цыплетова.

Осада Царицына происходила 21-го августа, а 22-го въ этомъ городѣ былъ уже Михельсонъ. Отряды его были сильно изнурены тою невѣроятною быстротою, съ которою онъ несли за самозванцемъ. Съ начала весны Михельсонъ успѣлъ искрестить десятки тысячъ верстъ, гоняясь за своимъ неувольнимымъ противникомъ. Онъ исходилъ всѣ оренбургскія степи, уральскую возвышенность, Башкирію. Онъ почти каждый день давалъ самозванцу сраженія, или нападалъ на его отдѣльныя толпы. Онъ не зналъ усталости, какъ не уставалъ и его страшный противникъ съ своими удалыми помощниками, которые успѣвали и поражать правительственныя войска, и отбиваться отъ Михельсона, и брать крѣпости, и вербовать новыя полчища, и вѣшать взятыхъ въ плѣнъ дворянъ и чиновниковъ, и вновь переходить сотни и тысячи верстъ, разсылая всюду свои «исполненныя измѣнническимъ ядомъ» письма, грамоты, указы, манифесты.

Но Михельсонъ не останавливался въ Царицынѣ. Бросивъ тамъ негодныя пушки и замѣнивъ ихъ новыми, онъ просилъ Цыплетова приготовить для его отрядовъ фуражъ и провіантъ и отправить его по Волгѣ, а самъ тотчасъ же бросился по дорогѣ, по которой наканунѣ ушелъ самозванецъ.

Разработывая по неизданнымъ документамъ смутное время пугачевщины, мы уже высказали въ одной изъ монографій, что пугачевская смута замѣчательна тѣмъ именно, что отдѣльныя, весьма характеристическія и въ высшей степени драматическія подробности, можно свазать съ увѣренностью, положительно неисчерпаемы. Чего не сохранили письменные документы, уничтоженные въ архивахъ пожарами послѣдующихъ лѣтъ, чего нѣтъ въ архивныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ, такъ-какъ не всѣ факты этой страшной эпохи могли быть записаны, потому что, при общей паникѣ, жившимъ въ то время людямъ было не до того, чтобы записывать подробности пронесшейся надъ ними бури, и весьма немногихъ оставившей въ живыхъ—однимъ словомъ, чего не сохранила печать и письмо, то сохранила народная память. Притомъ, еслибы кто и захотѣлъ въ то время записывать всѣ болѣе или менѣе выдающіяся, а иногда и мелкія, но ярко обрисовывающія эпоху отдѣльныя детали страшной драмы, то все-таки онъ не могъ сдѣлать этого съ достаточной и желательной для историка полнотою: съ одной стороны это было

физически невозможно, да никто и не взялся бы за этот трудъ, который былъ бы не по силамъ одному человѣку, съ другой — отдѣльное лицо могло записать событія, случившіяся исключительно въ одной мѣстности, какъ это и сдѣлалъ академикъ Ричковъ, которому поневолѣ приходилось всидѣть въ Оренбургъ въ осаду и, подъ громомъ ежедневныхъ канонадъ и перестрѣлокъ, составлять свою «Лѣтопись». И это можно было сдѣлать единственно лишь во время пугачевщины, отъ октября 1773 года до октября 1774, а позже это уже было невозможно: въ самый разгаръ пугачевщины правительство, опасаясь раздраженія черни, которую волновалъ всякій рассказъ и всякій слухъ о самозванцѣ, запретило толковать о Пугачевѣ; за произнесеніе его имени, какъ за «непристойныя рѣчи», сбѣли плетьми, кнутаомъ, ссылали въ Сибирь, рѣзали уши, какъ мы уже и говорили объ этомъ въ статьѣ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ», по поводу того, что нѣкто Ружейниковъ, въ Царицынѣ, въ магистратъ, жалуясь на то, что онъ разоренъ во время бунта, выразился такъ: «Батюшкины и меня разорили», и за это, то-есть «за легкомысленность и проговоръ непристойныхъ словъ, въ страхъ другимъ, а ему на осторожность, чтобы отъ всякихъ пустыхъ вракъ удержался, былъ наказанъ плетьми». Такимъ образомъ, вслѣдствіе полицейскаго запрещенія, народъ боялся говорить о Пугачевѣ, потому что запрещеніе, какъ полицейская мѣра, имѣло силу закона до самого восшествія на престолъ императора Александра I, который разрѣшилъ писать о Пугачевѣ; но и послѣ того народъ неохотно говорилъ объ эпохѣ, о которой онъ, впрочемъ, помнилъ много страшнаго и много любопытнаго. Уже современникъ Пугачева, казанскій архимандритъ Платонъ Лубарскій, слова котораго Пушкинъ поставилъ эпиграфомъ къ «Исторіи Пугачевского бунта», высказалъ мысль о невозможности дать полный историческій очеркъ этого многозначительнаго времени. «Мнѣ кажется — говорить онъ — сего вора всѣхъ замисловъ и похощеній нетолько посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историкъ порядочно описать едва-ли бы удалось, потому что — прибавляетъ онъ — всѣ его затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли, почему и самъ Пугачевъ, думаю, подробностей оныхъ нетолько рассказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удалства въ разныхъ вѣдугъ мѣстахъ происходили».

Вотъ почему историкъ не долженъ обходить народныя рассказы, составляющіе весьма богатый и вполне законченный

цвѣтъ смутной эпохи, такъ-какъ рассказы эти, съ одной стороны, рельефнѣе, чѣмъ самые письменные документы, рисуютъ картину этой эпохи, въ частности, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, въ драгоцѣнныхъ для историка деталяхъ, и, съ другой стороны, они всецѣло выражаютъ взглядъ народа на самую эпоху и ея дѣятелей, какъ со стороны правительственной, такъ и со стороны противоположной ей. А этихъ рассказовъ и преданій, даже съ характеромъ эпической легендарности, такъ много, эта эпоха до того богата характерными подробностями, что смутное время московскаго государства или эпоха первыхъ самозванцевъ (XVII-го вѣка) передъ этою послѣднею пугачевскою эпохою является совершенно бѣдною фактически. Въ силу этихъ убѣжденій мы и говорили не разъ, что не считаемъ себя вправе умалчивать и о тѣхъ эпизодахъ пугачевщины, которые сохранились единственно лишь въ народныхъ рассказахъ и пополняютъ собою недосказанное уцѣлѣвшими отъ того времени официальными бумагами и свидѣтельствами современниковъ. Мы утверждали даже, что считаемъ прямою обязанностью историка не давать погибнуть этимъ рассказамъ, какъ погибли безслѣдно рассказы о другихъ временахъ нашей исторіи, болѣе отдаленныхъ, что на насъ, близко живущихъ къ событіямъ прошлаго вѣка, лежитъ обязанность, на столько же священная, какъ священно все, что стало памятникомъ прожитыхъ человѣчествомъ вѣковъ страданій, борьбы и поступательнаго хода къ развитію — передать будущимъ вѣкамъ то, что мы слышали отъ нашихъ стариковъ и сверстниковъ и чего наши потомки не могутъ услышать ни отъ кого, если не прочитаютъ въ книгахъ, которыя мы имъ оставимъ. Да и притомъ, развѣ не самую значительную долю всей исторіи человѣчества составляютъ именно народные рассказы о томъ, чего не сохранила ни официальная бумага, ни государственная исторія? И развѣ вся поэтическая и обаятельная сторона исторіи Греціи и Рима не народный рассказъ? Развѣ не народная память и не народная поэзія, имѣя въ основѣ зерно исторической правды, украсили до увлекательности подвиги Леонида, Александра Македонскаго, Сципіона, Цезаря, Муція Сцевола? Бѣдна та эпоха, казенныя реляціи о которой не дополнила, не оживотворила и не украсила жизненными подробностями народная память, и не завидна участь того историка, въ трудъ котораго народное творчество не влило живой струи своего собственнаго пониманія и своей собственной народной оцѣнки событий, передаваемыхъ историкомъ.

Въ войсгѣ Донскомъ сохранился рассказъ о неудачномъ похо-

дѣ Пугачева на Донъ. Хотя изъ историческихъ и неподлежащихъ сомнѣнiю современныхъ документовъ извѣстно, что самозванецъ не проходилъ на Донъ, однако народная память сохранила въ высшей степени характеристическiй рассказъ о движенiи Пугачева въ земли войска Донскаго. Безъ сомнѣнiя, если въ основанiи рассказа лежитъ историческая правда, то имя Пугачевымъ мы должны разумѣть одного изъ его полковниковъ, въ родѣ Иванова, Каменскаго и другихъ, которые дѣйствительно заходили въ предѣлы донскихъ земель, но были весьма удачно отбиты донцами. Впрочемъ, во всѣхъ слышанныхъ нами по Дону и по Медвѣдицѣ рассказахъ, пугачевскимъ полковникамъ, которые заводили туда свои шайки, придается общее имя Пугача или Пугачева. Такъ и въ нижеслѣдующемъ рассказѣ, надо полагать, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ не Пугачевъ, а одинъ изъ его мнимыхъ генераловъ или самозванныхъ полковниковъ, потому что самъ Пугачевъ, послѣ неудачнаго приступа къ Царицыну, не повернулъ къ Дону, а пошелъ къ Астрахани.

Рассказъ повѣствуетъ слѣдующее:

Послѣ взятiя Пугачевымъ Царицына, гдѣ самозванецъ разбилъ «русскiя» войска подъ предводительствомъ самого Суворова, онъ отправилъ пословъ къ Платову, популярнѣйшему изъ донскихъ героевъ, который въ то время былъ еще только сотникомъ и командовалъ сотнею отчаяннѣйшихъ донцовъ, которые, на всемъ свѣду, убивали на лету ласточекъ изъ ружья и могли потягаться съ десятитысячнымъ корпусомъ «русскихъ» солдатъ. Пугачевъ требовалъ, чтобы Платовъ присягнулъ ему, какъ своему законному государю. Платовъ велѣлъ обрѣзать уши посламъ и, привязавъ ихъ верхомъ на клячъ, задомъ къ хвостамъ, отправилъ обратно къ самозванцу.

— Скажите вашему Емельѣ Пугачеву, что пока Донъ не побѣжитъ вверхъ и славные донскiе казаки не будутъ ходить въ лаптяхъ, я не покорюсь ему.

Такой отвѣтъ отправилъ Платовъ съ послами самозванца.

Пугачевъ пришелъ въ ярость, услышавъ этотъ отвѣтъ и увидѣвъ, въ какомъ униженiи возвратились къ нему его посланцы. Онъ велѣлъ тотчасъ же готовиться къ походу на Донъ, а между тѣмъ приказалъ устроить особую телегу, на которую поставилъ висѣлицу съ мочальною веревкою. Въ телегу эту запрягли четырехъ клячъ, на которыхъ возвратились отъ Платова его послы. Висѣлица предназначалась для Платова.

Вскорѣ все войско Пугачева было готово. Самъ онъ ѣхалъ на конѣ, впереди всего войска, а около него гарцовала его свита. Для острасти донскихъ казаковъ, Пугачевъ велѣлъ

привязать къ лошадинымъ хвостамъ трупы нѣсколькихъ русскихъ дворянъ, и лошади эти, управляемыя оборванными мужиками, шли по обѣимъ сторонамъ войска. Всѣ пушки были заряжены.

Платовъ поджидать самозванца у самого Дона. Отчаянная сотня его гарцовала на берегу, и едва казаки завидѣли издали войско Пугачева, тотчасъ понеслись къ нему на встрѣчу «съ гикомъ-крикомъ». Стремительный натискъ донскихъ гонцовъ смѣшалъ ряды пугачевского войска, а самъ Платовъ успѣлъ подскákatъ къ Пугачеву, когда тотъ распоряжался стрѣльбой, и со всего размаху далъ ему пощечину, проговоривъ:

— Вотъ тебѣ, с... сынъ, зимовейскій воръ, присяга отъ славнаго казака Платова!...

— Ловите разбойника! закричалъ ошеломленный Пугачевъ: — кто поймаетъ его, тому я дамъ изъ моей царской казны столько золота, сколько вѣситъ Платовъ съ лошадыю и сбруею!

Но Платова не могли поймать. Конь его леталъ быстрѣе вѣтра.

Пугачевъ послалъ въ атаку всю свою конницу; но и конница ничего не могла сдѣлать съ донскими казаками: сначала они, расположившись лавой, выжидали приближеніе пугачевскихъ конниковъ, и когда тѣ подсккали на разстояніе мушкетнаго выстрѣла, дали залпъ изъ винтовокъ. Ни одинъ донской казакъ не промахнулся: сто пугачевскихъ всадниковъ упало съ лошадей; остальная же пугачевская конница, давъ съ своей стороны залпъ, не убила ни одного казака, потому что казаки, опытные наѣздники, успѣли подвернуться подъ брюха лошадей, держась за конскія гривы. Пули пугачевскихъ всадниковъ пролетѣли надъ головами лошадей отчаянной сотни.

Но донцы не долго оставались въ такомъ положеніи. Такъ какъ пугачевская конница продолжала стремиться на нихъ, то они мгновенно слѣпились, и каждый казакъ, ставъ на одно колѣно, и держа на перевѣсь пикъ, тупымъ концомъ упертую въ землю, ждалъ приближенія неприятели. Наскакавшія на нихъ лошади пугачевской конницы напоролись на казацкія пики и такимъ образомъ конница еще болѣе разстроилась.

Тогда Платовъ опять скомандовалъ «на конь», и сотня его вновь начала рубить и колоть пугачевцевъ. Но когда награнули всѣ силы самозванца, сотня не могла выдержать напора и ретировалась къ Дону. Пугачевъ погнался за ними и принудилъ ихъ броситься въ Донъ, который они и перешли вплавь, держась за хвосты своихъ коней и поднывъ надъ водой свои винтовки и пистолеты.

— Ребята! закричалъ Пугачевъ къ своему войску: — кто первый перейдетъ Донъ, того возьму въ свои адъютанты.

Цѣлая толпа бросилась въ воду. Многіе потонули, не доплывъ и до середины. Другіе же были убиты мѣткими выстрѣлами донцовъ, которые засѣли на противоположномъ берегу Дона и поражали пугачевцевъ.

Пугачевъ велѣлъ немедленно строить плоты и паромы: плоты, для перевозки своего войска, а паромы для артиллеріи. Плоты и паромы были сдѣланы въ нѣсколько часовъ. Артиллерія поставлена была на паромы и стала переправляться черезъ Донъ.

— Атаманы-молодцы! обратилъ Платовъ къ своей сотнѣ: — кто изъ васъ хочетъ быть хорунжимъ?

— Я! я! я! закричала въ одинъ голосъ вся сотня.

— Слушайте, атаманы-молодцы: кто изъ васъ сдумѣетъ потопить пугачевскія пушки?

— Я! я! я! закричала снова въ одинъ голосъ вся сотня.

— Спасибо, атаманы-молодцы!... Какъ же вы это сдѣлаете? — говори старшій!

Тогда вышелъ изъ сотни сѣдой, какъ лунь, казакъ, и сказалъ:

— Возьмемъ мы, батюшка-сотничекъ, по буравчику, поднырнемъ подъ тѣ кораблики, просверлимъ по дырочкѣ — и кораблики потопать стануть, а тѣ пушечки, какъ перушки, поверхъ воды останутся.

— Ладно, сказалъ Платовъ: — не пропасть Россійскому царству, покуль славный тихій Донъ не высохнетъ, а славные донскіе казаки не переведутся до одинаго.

Но такъ-какъ вся сотня хотѣла идти на отчаянный подвигъ, то Платовъ велѣлъ бросить жребій.

— Кого самъ Богъ избересть, тотъ пуцай и сослужить службу славному войску Донскому.

Вся сотня стала молиться Богу, и каждый казакъ просилъ, чтобы Богъ избралъ его для потопленія пугачевской артиллеріи. Жребій палъ на десять донскихъ казаковъ. Они взяли по буравлю, раздѣлись, перекрестились и бросились въ Донъ. Отплывъ отъ берега на небольшое разстояніе, они нырнули въ воду и исчезли. Пугачевъ, стоя на берегу и сажая на плоты свое войско, не могъ догадаться, что это дѣлаютъ казаки, и думалъ, что Платовъ шлетъ къ нему пословъ съ повинною.

Но вскорѣ онъ увидѣлъ свою ошибку. Паромы съ артиллерією опускались въ воду все ниже и ниже, и Пугачевъ увидѣлъ, что пушки его начинаютъ тонуть. Думая, что паромы успѣютъ достигнуть берега, не потонувъ, онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, но едва фитили приложены были къ пушечнымъ затравкамъ, какъ пушки и канониры погрузились въ воду.

Такъ погибла вся пугачевская артиллерія.

Пугачевъ увидѣлъ, что съ донскими казаками ему не справиться, и велѣлъ своему войску опять высаживаться на берегъ. Тогда Платовъ вздумалъ еще больше насмѣяться надъ самозванцемъ. Онъ перерядился въ простое казацкое платье и, переплывъ черезъ Донъ, такъ чтобы его не видѣлъ Пугачевъ, явился въ его станъ. Платова привели къ самозванцу.

— Кто ты? спросилъ Пугачевъ.

— Донской казакъ.

— Что тебѣ отъ меня нужно?

— Я хочу сослужить вашему величеству службу вѣрную.

— Какую, говори.

— Я приведу къ вашему величеству храбраго Платова: я у него на вѣстяхъ и, связавъ его соннаго, доставлю къ вамъ въ кошъ.

— Ладно, говоритъ Пугачевъ: — доставь, я тебя золотомъ осмплю.

— Уговоръ лучше денегъ, сказалъ Платовъ: — дайте мнѣ столько золота въ задатокъ, сколько свезетъ мой меринъ.

Пугачевъ согласился. Платовъ былъ «одву-конь», какъ это часто дѣлаютъ казаки, отправляясь въ походъ, для того чтобы всегда имѣть въ запасъ свѣжую лошадь, и потому одну изъ его лошадей навьючили золотомъ. Но, переправившись на другую сторону Дона, онъ подѣхалъ къ берегу противъ того мѣста, гдѣ стоялъ Пугачевъ, и закричалъ, показывая мѣшки съ золотомъ.

— Ахъ, ворона, ты, ворона, зимовейскій виб..... Емелька Пугачевъ! Не поймалъ ты ясна сокола, да сталъ перушки щипать... Прощай и помни: я донской казакъ, по прозванью Платовъ.

Пугачевъ повелъ свою армію прежнею дорогою, не осмѣливаясь уже больше покушаться нападать на Донское войско.

Такъ передаетъ народный рассказъ столкновеніе самозванца съ Дономъ. Рассказъ этотъ слышанъ нами лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Раздорской станицѣ. Хвастливый тонъ и неменѣе хвастливое содержаніе, которыми, впрочемъ, отличаются всѣ рассказы донцовъ о своихъ подвигахъ, и въ особенности о подвигахъ такихъ любимцевъ и народныхъ героевъ, какъ Платовъ, не лишаетъ этого рассказа той небольшой доли исторической правды, которая положена въ основу рассказа. Правда, Пугачевъ не былъ на Дону, но полковники его, какъ Ивановъ и Каменскій, заводили свои толпы въ юрты верховыхъ Медвѣдичихъ станицъ, о чемъ мы особо говорили въ отдѣльной монографіи о полковникѣ Ивановѣ. Мало того, 18-го августа

происходили двѣ битвы донскихъ казаковъ съ пугачевскими партіями при станицахъ Етеревской и Заполянской, и побѣда осталась на сторонѣ донцовъ, которыми предводительствовали заслужившіе историческую память донскіе полковники и старѣйшины, именно походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ, имя котораго такъ часто упоминается при разсказахъ о стгичкахъ донцовъ съ партіями Иванова и Каменскаго, полковники Кульбаковъ, Яновъ и Вуколовъ. Трофеями Луковкина были два знамени, отбитыя у пугачевцевъ, нѣсколько человекъ плѣнныхъ, лошади; немало разбойниковъ было поколото казацкими пиками *. Въ другой битвѣ, за Молодельскою станицею, 13-го августа, Луковкинъ, Яновъ, Вуколовъ и Кульбаковъ разбили пугачевцевъ чуть-ли не на голову, такъ что однихъ труповъ осталось на мѣстѣ сраженія болѣе ста человекъ, несмотря на то, что отряды донцовъ были незначительные и состояли единственно лишь изъ такъ-называемыхъ «поголовныхъ командъ» Медвѣдичихъ станицъ. Послѣ пораженія, пугачевцы разбѣжались по лѣсамъ, и, скучившись въ особую толпу, направились къ Волгѣ, «симвя у себя нетомленныхъ по двѣ и по три заводныхъ лошадей, въ соединеніе къ толпѣ самого злодѣя Пугачева». Чтобы не допустить эту разбитую у Молодельской станицы толпу до соединенія съ главными силами самозванца, Луковкинъ отправилъ за нею двѣ партіи, выбравъ, по возможности, «доброконныхъ казаковъ», такъ-какъ всѣ остальные были слишкомъ утомлены непрестанными битвами при Етеревской и Молодельской станицахъ и не могли угнаться за пугачевцами, изъ которыхъ каждый имѣлъ по двѣ и по три лошади. Партіями этими командовали Мельниковъ и Вуколовъ. Они должны были гнаться за злодѣями по слѣдамъ, «савкою», чтобы не потерять изъ виду; но чѣмъ кончилась эта экспедиція, неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что самъ Луковкинъ войсковою грамотою былъ командированъ въ соединеніе съ полковникомъ Иловайскимъ и долженъ былъ въ одно и то же время защищать Царицынъ отъ самого Пугачева и отражать нагрянувшія на верховья Медвѣдичія станицы пар-

* Походный атаманъ Абросимъ Луковкинъ рапортуетъ (войсковою канцеляріи), что онъ обще съ полковниками Кульбаковымъ, Яновымъ и Вуколовымъ, надъ вступившею въ Медвѣдичія отъ Береговской станицы злодѣи и тирана Пугачева партіею, при называющемся злодѣйскомъ полковникѣ, 12-го числа, въ Етеревской станицѣ, учиня поискъ, помощію божіею всѣхъ въ прахъ разбилъ, причеъ-де довольное число злодѣевъ поколото въ смерть, а раненыхъ взято нѣсколько человекъ, и отбито двѣ хоругви, и нѣсколько жъ лошадей, и что онъ того жъ числа, получивъ извѣстіе о таковыхъ же злодѣяхъ, показавшихся въ Заполянской станицѣ, для истребленія ихъ тотъ же часъ туда отправился и, какъ изъ рапорта его видно, и ихъ разбилъ».

тѣмъ пугачевскихъ коноводовъ Иванова, Каменскаго и другихъ. Надо было, такимъ образомъ, разорваться на двое и на трое, чтобъ *разомъ* быть въ трехъ и четырехъ мѣстахъ, а иначе, въ то ужасное время, въ одинъ часъ могло быть все потеряно и Донъ перешелъ бы въ руки самозванца.

Хвастливый тонъ, которымъ отличается разсказъ о небываломъ столкновеніи Пугачева съ Платовымъ, замѣчается, впрочемъ, и въ официальныхъ реляціяхъ донскихъ старшинъ о дѣйствіяхъ ихъ противъ мятежниковъ во время пугачевщины. Мы уже видѣли выше результатъ битвы при Пролейгѣ, гдѣ Пугачевъ однимъ выстрѣломъ заставилъ разбѣжаться калмыцкое войско, высланное противъ него, подъ предводительствомъ князя Дундукова: въ этой битвѣ пала вся легкая полевая команда, на которую мѣстныя власти возлагали единственную надежду, палъ начальникъ этой команды, несчастный Дицъ, смерть котораго должна лежать на памяти астраханскаго губернатора Кречетникова, который съ испугу не зналъ что ему дѣлать и послалъ Дица подъ обухъ; въ этой битвѣ, наконецъ, разбиты были и донскіе отряды, которые, совмѣстно съ калмыками и полевой командою, думали пересѣчь дорогу Пугачеву, неудержимо стремившемуся на югъ и отгрызавшемуся, подобно раненому льву. А между тѣмъ, донскіе полковники Кутейниковъ и Грековъ, разбитые при Пролейгѣ вмѣстѣ съ Дицемъ и княземъ Дундуковымъ и едва спасшіеся къ Царицыну (Кутейниковъ, впрочемъ, черезъ нѣсколько дней былъ снова настигнутъ Пугачевымъ, весь исколотъ, избитъ, взятъ въ плѣнъ и приговоренъ къ разстрѣліанію изъ ружья подобно собагѣ, хотя и спасся случайно отъ смерти по безопасности стрѣлявшаго въ него палача, какъ мы и видѣли выше), послали къ войску Донскому вѣсть, будто они, «полковники Кутейниковъ и Грековъ, встрѣтивъ, въ урочищѣ Пролейгѣ государственнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева, соединясь съ легкою полевой командою, не убоясь того злодѣя Пугачева, а особливо наблюдая свою присяжную должность, стремительнымъ образомъ сочinia съ нимъ баталію и *разбилъ* (1) толпы его до нѣсколько побили да въ помозъ взяли тожъ... *а хотя онъ злодѣй разбитъ*», однако... и т. д.

Что же касается до того, что битву съ Пугачевымъ и отраженіе его отъ донскихъ предѣловъ народный разсказъ приурочиваетъ къ имени казацкаго баловня Платова, то это имя упоминается и въ другомъ разсказѣ, переданномъ нами въ статьѣ «Пугачевскій полковникъ Ивановъ», гдѣ положительно говорится, будто «генералъ Платовъ поймалъ Амельку (Пугача), когда тотъ подходилъ къ Черкаску».

Какъ бы то, впрочемъ, ни было, Пугачевъ не осмѣлился пойти на Донъ и, отбитый отъ Царицына, двинулся далѣе къ югу.

Достоинно особеннаго замѣчанія, что всѣ распоряженія Кречетникова или, какъ онъ выражался, «достаточныя наставленія» къ оборонѣ Царицына и Камышина пришли въ Царицынъ — первая 22-го августа, когда самозванецъ уже былъ отбитъ отъ того города доблестнымъ Цыплетевымъ и горстью офицеровъ, солдатъ и гражданъ, а послѣдніе — 25-го августа, когда уже давно былъ убитъ несчастный камышинскій комендантъ, Касперъ Меллинъ, на имя котораго писался ордеръ и когда Пугачевъ не только прошелъ Камышинъ, волжское войско, Царицынъ, но и былъ уже, утромъ этого дня, окончательно разбитъ Михельсономъ. Такимъ канцелярскимъ витанзмомъ отличались въ то время дѣйствія всѣхъ высшихъ властей, которыя или не умѣли дѣйствовать или боялись шевельнуться и только строчили промеморіи за промеморіями и ордеръ за ордерами, или медлили до непостижимости, а между тѣмъ приказывали своимъ подчиненнымъ властямъ ждать ихъ «персональных» распоряженій и не смѣть ничего сдѣлать безъ позволенія свыше. Безъ сомнѣнія, и Цыплетева, съ защищаемымъ имъ городомъ, постигла бы участь злополучнаго Меллина, еслибъ онъ ждалъ распоряженія своего непосредственнаго начальника, который только и писалъ изъ Астрахани, что «не увосию выступить и самъ» противъ Пугачева, да спрашивалъ Цыплетева, что дѣлаетъ самозванецъ, гдѣ онъ, что дѣлаютъ другія войска, гдѣ Михельсонъ, Бошнякъ, что дѣлается въ Саратовѣ, куда намѣренъ двинуться Пугачевъ и проч. и проч. Приказы его постоянно запаздывали, наставленія приходили по минованіи въ нихъ надобности, да притомъ были непримѣнны къ дѣлу. На всѣхъ распоряженіяхъ властей лежитъ печать застоившагося канцеляризма: гдѣ нужна быстрота, рѣшительность, тамъ шла такъ-называемая московская канцелярская волокита. Было бы отписано — и дѣлу конецъ.

Въ такомъ печальномъ и неблагоприятномъ свѣтѣ представляются всѣ высшіе правительственныя дѣятели времени Пугачева — фонъ Рейнсдорпъ, фонъ Брантъ, Голицынъ, Декалонгъ, Шетневъ, Каръ, Чернышовъ, Фрейманъ, Кречетниковъ. А между тѣмъ, Кречетниковъ былъ изъ лучшихъ государственныхъ людей второй половины прошлаго вѣка. Знаменитые орлы изъ стаи великой Екатерины были, какъ видно, не настоящіе орлы, а другой породы птицъ. Простой казакъ, въ натурѣ котораго была какаютто непостижимая стремительность, который не зналъ ни утомленія, ни страха, обаялся способіе сподвижниковъ великой императрицы. Даже полковники и генералы этого самозванца

партизана, вышедшіе изъ массы народа, или изъ остроговъ, оказались болѣе даровитыми и болѣе дѣятельными личностями, чѣмъ люди, призванные къ кормилу правленія. Какойнибудь Чича не въ шутку могъ назваться графомъ Чернышовымъ, военнымъ министромъ казака-атамана, когда его стремительныя и постоянно рассчитанныя на успѣхъ дѣйствія парализировали всѣ распоряженія военныхъ совѣтовъ, составившихся изъ заслуженныхъ военачальниковъ.

Неудивительно, что и Кречетниковъ дѣйствовалъ не впопадъ и непростительно медленно, когда гроза висѣла еще слишкомъ далеко отъ его головы, какъ ему казалось, хотя и издали гроза эта представлялась уже страшною и неотвратимою. *

* Приведемъ здѣсь, въ вѣнскѣ, главныя распоряженія Кречетникова, пришедшія на мѣсто дѣйствія, когда уже было поздно, и когда уже самое дѣйствіе кончилось. Первое относится къ защитѣ Камышина. Оно писано къ камишинскому коменданту Касперу Меллину. Такъ-какъ Меллинъ былъ убитъ при взятіи Камышина самозванцемъ (13-го августа), то оно получено уже Цыплетевымъ (25-го августа). Писано же оно 15-го августа опять-таки послѣ смерти Меллина, и писалось, слѣдовательно, къ мертвому. Вотъ оно: «Сего августа 15-го присланнымъ ко мнѣ репортомъ вашимъ представлено, что по притчнѣйшему приходу вѣстиваго злодѣя Пугачева въ Саратовъ, и городъ Дмитріевскъ (Камышинъ) состоитъ въ опасности. На которое дается вамъ знать, что отъ стороны Царицына, противъ его, злодѣя, господина полковника князя Дондукова съ камишинскимъ войскомъ и казаками уже выступилъ, коему и легкую полевую команду, да и волскахъ казаковъ всѣхъ съ ихъ старшинами вѣжно присоединить; отъ стороны же Дона слѣдуютъ еще особо съ деталементамъ господина генералъ-маіора князя Багратиона, который томъ съ тѣми камишинами совоушится и дѣйствовать будутъ противъ того злодѣя во истребленіи ихъ общими силами, какъ о всемъ томъ царицынскому коменданту, да и ему полковнику Дондукову, также и волскому войсковому старшинѣ Персицкому довольныя наставленія отъ меня предписаны, слѣдовательно, они по сіе время города Дмитріевска и достигнуть могли (нѣтъ, не достигли), который имъ, да и волскія казачья населенія надежно защититься могутъ (нѣтъ, не могли!). Почему ваше высокоблагородіе и имѣете вспоможенія и обороны себѣ требовать отъ него, полковника. Городъ же стараться привести въ оборонительное состояніе всѣмъ обществомъ, и на сей только случай взять кушцовъ и другихъ вѣдомства ихъ людей отъ ратуши, а бобылей отъ ихъ опекуна, маіора Гололобова, сколько въ тому потребно, а по минованіи опасности (!) оныхъ всѣхъ отъ таковой тягости уволить и никаково принятствія въ ихъ промыслахъ и работахъ не чинить, и въ семъ ко исполненію сей ордера мой въ тамошней ратушѣ и ему, маіору, объявить, и что о злодѣяхъ происходить будетъ, объ ономъ по часту ко мнѣ репортовать съ нарочными курьеры (а курьерамъ не на чемъ было ѣздить), выдавая имъ прогонныя деньги на счетъ секретной коммиссіи, о чемъ отъ меня на указаномъ основаніи ордеромъ вамъ и подтверждено; ѳбглецы жъ, вѣвѣстно, судятся по правамъ, о коихъ впредъ, по окончаніи опасности, и революція дана будетъ».

Эта бумага помѣчена уже Цыплетевымъ. Собственно же Цыплетеву Кречетниковъ рекомендовалъ слѣдующія мѣры для встрѣчи Пугачева. Получивъ отъ Цыплетева вѣдомленіе «о измѣнѣ волскаго войска и сумнительности домикихъ

XII.

Отъ Царицына Пугачевъ шелъ по направленію къ Сарептѣ. Войско его увеличилось шестью полками донскихъ казаковъ. Обозъ умножился стадами, угнанными его новыми подданными, валмиками, въ окрестностяхъ Царицына.

На дорогѣ онъ встрѣтилъ академика Ловица, который, въ числѣ прочихъ ученыхъ (Палласа, Гмелина, Инокходцева и др.), командированъ былъ отъ академіи наукъ въ экспедицію, снаряженную императрицею Екатериною II для изученія Россіи. Узнавъ отъ Ловица, что онъ наблюдаетъ движенія звѣздъ, Пугачевъ велѣлъ повѣсить его «поближе къ звѣздамъ».

Но тутъ на Пугачева, на эту никогда не устававшую голову, на эти желѣзные мускулы, какъ бы напало какое-то непонятное

казаковъ», а также о вѣтн самозванцевъ Каминина, Бречетниговъ пишутъ: оно немѣннѣ у меня конныхъ легкихъ войскъ, въ подрѣшеніе ихъ вѣсь, ни его, полковника князя Дундуова, снабдить имъ никакъ невозможно, и всего адѣсь (въ Астрахани) собрано съ станицъ конныхъ казаковъ съ полтората человекъ, но и *такъ послать весьма опасно, въ преданности ихъ къ зло дѣламъ*, да и толкое малое число никакого вспоможенія сдѣлать и послѣднѣ туда не могутъ. Каминитъ же хотя собрать и вѣтно, да и дѣйствительно кнѣе собираются, но ихъ, безъ подрѣшенія російскаго войска, въ командировку употребить ни мало не надежно, и пѣхота къ Царицыну тоже не усѣбеть. А какъ, по прѣшнимъ извѣстіямъ и по вашимъ репортамъ видимо, что злодѣйское стремленіе склоняется внизъ по Волгѣ, слѣдовательно къ недоуценію онаго намисльнѣе должно стараться, кванперныхъ у Царицына и по линіи ихъ, злодѣевъ, прѣслѣдовать и искоренить, а восторихъ, и адѣсь на отраженіе его и на защищеніе всего города и котющаго народа взять предохранительныи мѣры, для чего тѣ казаки и камини, да и легкая полевая команда и гарнизонъ на то самое и пріуготовленн. Итакъ, имѣете во укрѣпленіи Царицына поступать по учиненному вами распоряженію, которое мною опробуетца, и тѣхъ злодѣевъ до разоренія себя отнюдъ не допустить и князю Дундуову навкрѣчайше велѣть на нихъ, обще съ легкой командою, навадать и истреблять. Сверхъ того, намскорѣ вамъ командировать на способныхъ людяхъ пристойную команду, человекъ сто съ пушками, съ надежными оберъ-офицеромъ, и жадія по Волгѣ рѣкѣ злодѣйскія суда съ провіантомъ и экипажами отбить или, по крайней-мѣрѣ, ихъ смечь, или же затопить, и совсѣмъ истребить, чтобъ они дѣлши отнюдъ оставаться не могли. А къ генераль-майору князю Багратиону съ прилагаемымъ при семъ сообщеніемъ моимъ отправить намскорѣ нарочнаго курьера, дабы онъ весьма посилъшалъ съ своимъ detachmentомъ къ Царицыну и ихъ, злодѣевъ, въ конецъ искоренить. Буде-жъ бы они, Царицынъ мяновавъ, пойдутъ дагѣ сюда внизъ, то вамъ скорѣе воходъ отправить воинской командѣ человекъ сто или больше съ артиллерією къ Черному Яру, въ подрѣшеніе и защищеніе тамошняго города. А естли они и оной минуютъ, то имъ для сего жъ самого, ни мало не мѣшаваъ, спуститься къ Емтасевской крѣпости, и намисльнѣе приказать стараться обои тѣ городи и жителей отъ нихъ, злодѣевъ, спасти, и что отъ нихъ происходитъ будетъ,

утомленіе. Страстная, порывистая, но въ то же время безвольная натура — онъ вдругъ зацѣнился, забывъ, что все приобретенное имъ въ теченіе года, можетъ быть потеряно за день гѣни, за нѣсколько часовъ бездѣйствія. Страстность и огненность его натуры не мѣшали ему, однако, быть слабымъ, мягкимъ, податливымъ. Держа въ рукахъ могучій рычагъ, которымъ онъ приподнималъ и встряхивалъ всю Россію, нося въ себѣ самомъ неизмѣримую силу, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ могла поставить вверхъ дномъ весь существовавшій въ Россіи государственный строй, онъ иногда махалъ рукой на все, что вокругъ него происходило, и когда къ нему приступали его любимцы съ тѣмъ или другимъ предложеніемъ, онъ имъ говорилъ: «Э! мнѣ все равно—дѣлайте что хотите». Эта непонятная апатія вдругъ овладѣла имъ, когда онъ отступилъ отъ Царицына. Онъ забылъ обо всемъ: забылъ, что за нимъ мчатся по патамъ войска; за-

о томъ, по содержанію прежде посланныхъ отъ меня ордеровъ, почасту ко мнѣ репортовать».

Это было писано 12-го августа. Понятно, что изъ Астрахани эта бумага не могла попасть въ Царицынъ раньше Пугачева, который былъ уже въ волжскомъ войскѣ. 20-го же августа Кречетниковъ, получивъ печальную вѣсть о пораженіи правительственныхъ войскъ при Пролейгѣ, о гибели Дяда, о падѣнн всей легкой и колевой команды, о взятіи артиллеріи и всего обоза и о бѣгствѣ калмыцкаго войска, и извѣдая трусость калмыковъ, «яко степенныхъ и совсѣмъ необыкновенныхъ людей», писалъ, между прочимъ, Цицлетеву, что изъ рапорта его не видно, чтобы они (то-есть калмыки), оставя возложенную на нихъ службу, могли обратиться на побѣгъ назадъ... слѣдовательно (прибавляетъ онъ) и могутъ они теперь собравшись въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, при своей командѣ, противъ злодѣя дѣйствовать, и стараться ими спотъ отъ него отогнать, къ чему они и способны есть. А какъ извѣстно мнѣ, что генералъ-майоръ князь Багратионъ съ своимъ detachmentомъ 14-го числа приблизился къ Царицыну и находился въ Патизбанской станицѣ, отстоящей отъ онаго въ шестидесяти верстахъ (это не близко, однако), то уже нынѣ, безъ сомнѣнія, прибылъ къ вамъ (нѣтъ, не прибылъ), и могъ совокупиться съ нимъ, полковникомъ (извѣстѣ Дондуковимъ): въ такомъ случаѣ, имѣете придать имъ въ подкрѣпленіе изъ царицынскаго гарнизона пѣхоты, пристойное число выбранныхъ надежныхъ людей, да и прикнувъ къ нимъ калмыкъ и казаковъ, и силами общественными силами найкрѣпчайшее усердіе свое приложить тѣхъ злодѣевъ атаковать, и стараться всѣхъ въ конецъ разбить, ибо при немъ, генералъ-майорѣ, орудій состоитъ довольно число, конны, при помощи пѣхоты, и поражае ихъ можетъ. Въ чемъ во всемъ и поступить вамъ по общему съ нимъ совѣту, изыскивая всѣми мѣрами ко истребленію ихъ наглутчихъ способовъ и сохраняя по своей должности вѣренной вамъ постъ отъ раззоренія злодѣевъ и т. д.

О своей же «персональной» повѣдѣ въ Царицынъ, чтобы «персонально» почитаться съ Пугачевымъ, онъ уже и не заикается, хотя за нѣсколько дней до этого, когда самозванецъ былъ еще далеко, онъ постоянно писалъ, что самъ *придетъ*... Такъ-то дѣйствовали высокопоставленные лица. За то не такъ дѣйствовалъ Пугачевъ и его сподвижники — невыгодная параллель.

былъ, что впереди у него нѣтъ ни будущаго, ни родины, ни возврата къ прежнему; забылъ, что порывъ обстоятельствъ выталкиваетъ его въ невѣдомыя страны, въ Персію, въ Турцію, онъ забылъ время, забылъ пространство, забылъ даже, что вотъ-вотъ его можегъ настигнуть его грозный гонитель, его палачъ, этотъ ужасный нѣмецъ Михельсонъ. Добравшись до Сарепты, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, закрылся въ своей роскошной палаткѣ и цѣлыя сутки бездѣйствовалъ съ своими наложницами. А для него потерять сутки — это то же, что потерять половину всего добытаго такою упорною борьбою, такими ужасными жестокостями и кровью десятковъ тысячъ жертвъ.

Что же съ нимъ сдѣлалось? Былъ ли это припадокъ раздумья, или порывъ того подавляющаго отчаянія, то безнадежное сознаніе безвыходности положенія, въ которое завела его страстность дикой природы, требующая повременамъ, чтобы человекъ утопилъ и себя и неотвязно надобѣдающую ему мысль въ винѣ, въ разгулѣ, въ развратѣ? Всего скорѣе, что Пугачевъ уже начиналъ чувствовать себя нѣсколько надломленнымъ — счастье ему измѣняло. Своимъ сообщникамъ онъ уже начиналъ меньше вѣрить. Донъ, на который онъ рассчитывалъ, какъ бы ускользнулъ у него съвозъ пальцы. Даже тѣ шесть полковъ донскихъ казаковъ, которые пристали къ нему подъ Царицынымъ, въ первую же ночь, тихонько, одинъ по одному, покинули его, «которые — говорить самозванецъ — я порядочно присматривать и не велѣлъ». Онъ видѣлъ, что назадъ, къ Оренбургу, ему воротиться нельзя, да и не зачѣмъ; на Яикъ тоже было бы бесполезно идти — да и зачѣмъ? Онъ прежде загадывалъ дальше Яика, а теперь, всегда помогавшая ему судьба какъ бы выталкивала его изъ Россіи. Передъ нимъ лежала только Астрахань, а тамъ — чужая сторона, невѣдомыя государства. На Донъ ему уже не зачѣмъ было возвращаться, — да и что толку бѣглецу въ родинѣ, которую онъ покинулъ и которая его самого выкинула? Въ центрѣ Россіи, наконецъ въ Башкиріи, ему нечего было задумываться: впереди лежала цѣлая Россія. А тутъ онъ уже добѣжалъ до конца Россіи — дальше было идти некуда да и воротиться въ Россію уже было нельзя. Такія порывистыя, безвольныя натуры, какъ Пугачевъ, не привыкли задумываться: «день мой — вѣкъ мой», — вотъ ихъ девизъ. Г. Щебальскій, кажется намъ, вѣрно понялъ эту личность: «Пугачевъ — говорить онъ — былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя исключительныхъ злыхъ наклонностей, совершенно зависать, въ отношеніи нравственности, отъ обстоятельствъ, и для которыхъ не существуетъ понятія о добрѣ и злѣ. Можно, кажется, вѣрить тому,

что онъ не слишкомъ часто имѣлъ свирѣпыя побужденія; но казаки начинаютъ приставать, чтобъ онъ приказалъ повѣсить такого-то — ну, и пусть его повѣсятъ! Въ началѣ своей службы онъ былъ трезвымъ казакомъ; когда же обстоятельства перемѣнились; и ему стоило протянуть руку, чтобъ внести дно у боченка съ водкою, онъ сдѣлался пьяницей; не зная устал, когда его тѣснилъ Михельсонъ, и проводилъ дни и ночи въ гульбѣ, когда никакая особенная опасность не толкала его, такъ сказать, подъ божье*.

Неудивительно, что при первой неудачѣ и при первомъ серьезномъ раздумьи, Пугачевъ, на этотъ именно разъ, махнулъ на все рукой — пусть будетъ, что будетъ! И онъ засѣлъ въ своей палаткѣ съ своими наложницами...

А между тѣмъ Михельсонъ не дремалъ. Какъ аккуратный нѣмецъ, съ энергіею и настойчивостью, свойственной этой великой расѣ, онъ не тратилъ даромъ ни дней, ни часовъ; а съ бою бралъ каждую пядь земли, гоня, такъ сказать, въ мертвую голову своихъ, привычныхъ и къ голоду, и къ холоду, и къ зною, гусаръ, носившихся съ нимъ и по горамъ Урала, и по Сибири, и по Башкиріи, плававшихъ и по льдинамъ разливающихся съ первою весною рѣкъ, и на лодкахъ, и на доскахъ, ходившихъ съ своими пушками и по дну рѣчному, вадившихся и подъ солнцемъ и подъ огнемъ пожаровъ.

Скоро мы увидимъ этого Михельсона опять лицомъ къ лицу съ его страшнымъ противникомъ...

Выше мы видѣли, какъ дѣйствовали донскіе казаки противъ самозванца: мы видѣли ихъ и подъ Петровскомъ, когда они передавались самозванцу, и при Пролейкѣ, когда храбрый Кутейниковъ и не менѣе храбрый Грековъ, дойдя до самыхъ неприятельскихъ пушекъ, были подавлены превосходною силою враговъ, хотя и извѣщали войско Донское, что разбили злодѣя; мы видѣли казаковъ и подъ Царицынымъ, когда оторопѣвшіе ихъ вожди Василій Манковъ, Михайло Денисовъ, Василій Перфиловъ, Григорій Поздѣвъ, Варламъ Денисовъ и Карпъ Денисовъ извѣщали Цыплетева, что «къ несчастью общему и къ погашенію славы, нажитой всего войска донскаго кровью, изъ находящихся при нихъ подкомандныхъ, нѣкоторые показали такую трусость, что и прочихъ смѣшавъ мысли, нанесли страхъ такой, что они о истребленіи отъ казаковъ злодѣя надежды не предвидятъ»; мы видѣли казаковъ и у стѣнъ самаго Царицына, когда всѣ эти шесть полковъ (Манкова, Перфилова, Поздѣва и трехъ

* Щебальскій, 73.
Т. СLXXX. — Отд. I.

Денисовыхъ), по словамъ самого Пугачева, подъ крѣпостными выстрѣлами «заворотились» къ самозванцу, а доблестные къ вожди остались безъ полковъ; мы видѣли, наконецъ, какъ эти казаки, понявъ свою ошибку и раскаявшись, въ первую же ночь, «человѣкъ по человѣку», какъ говоритъ Пугачевъ, ушли отъ него. Мы видѣли въ это смутное время, и на полѣ битвы, и на сторожевыхъ пунктахъ, предводителей Донскаго войска, завоевавшихъ, такъ сказать, себѣ мѣсто на страницахъ исторіи — и Матвѣя Платова, еще молодаго полковника, и Федора Кутейникова, и Абросима Луковкина, и Василя Перфилова, и Михайлу Денисова, и Василя Манкова, и Карпа Денисова, и Григорья Повдѣва, и Варлама Денисова, и Василя Грекова, и Макара Грекова, и Петра Попова, и Агима Карпова, и Павла Кирсанова, и Агима Уварова, и Ивана Харитоновъ, и Янова, и Кульбакова, и Вуколова, которые на своихъ плечахъ вынесли не мало общей тяжести, вынавшей на долю Россіи въ то несчастное время. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ редиціяхъ ихъ къ войску о дѣйствіяхъ противъ Пугачева проглядываетъ странное противорѣчіе съ дѣйствительными, неопровержимыми фактами, и потому мы поневолѣ должны иногда заподозрить ихъ въ хвастливости, которая не позволяетъ историку принять съ полною вѣрою ихъ показанія.

Такъ, послѣ того, какъ самозванецъ отступилъ отъ Царицына, а за нимъ послѣдовали и шесть донскихъ полковъ, только безъ полковниковъ, и когда — мы это подозреваемъ изъ сопоставленія чиселъ — стало уже извѣстно, что Михельсонъ 25-го августа разбилъ Пугачева, а слѣдовательно, когда бѣжавшіе съ Пугачевымъ донцы успѣли уже, въ ночь на 23-е число, вновь перебѣжать отъ самозванца къ своимъ покинутымъ полковникамъ, войско Донское, 26-го августа, писало къ Цыплетеву слѣдующее: *сейчасъ* полученъ *радостный* репортъ отъ линейскаго походнаго атамана Василя Перфилова и отраженныхъ отъ войска донскаго полковниковъ Михайлы Денисова, Василя Манкова, Карпа Денисова, Григорья Повдѣва, Варлама Денисова и Василя Грекова, которымъ донесено, что, пробывъ притѣсняемы будучи злодѣемъ при Царицынѣ и показавъ всеусердную службу съ истиннымъ раченіемъ, по долгу присяги, *злота со всею толпою отъ Царицына* военною рукою *отратили, поражаа ео пятнадцать отъ Царицына верстъ*, и отбили одну пушку, два знамя и знатное число людей, и дожидались, при семь случаѣ, при Царицынѣ, съ деташементомъ господина подполковника Михельсона, котораго эскадроны того числа и прошли подъ вечеръ Царицынъ, слѣдуя ко истребленію онаго злодѣя, а

и гѣхота не взмедитъ приходомъ. *Завтрашнюю, то-есть 28-го числа, рано будетъ походъ*, въ которомъ и имъ быть велѣно, куда онъ и слѣдуютъ со охотою, и казаки-де при семъ злодѣя пораженіи доказывали храбрость». Сомнительно что-то...

Далѣе. «Оной же злодѣй не далеко отъ Царицына будетъ какъ въ двадцати верстахъ *коропитъ тую ночь*, изъ чего-де и видно, что онъ, злодѣй, пробравается за Кубань, и опасности-де отъ него доносимъ станицамъ нѣтъ. *Проклятая-жъ-де его волокита танища надъ Волгою*, и слышно, что ево, злодѣя, северной языкъ выговорилъ позволеніе измѣнникамъ, дербетовымъ калмыкамъ, перебыть за Волгу».

Впрочемъ, 25-е августа еще не наступало. Пугачевъ все еще былъ непобѣдимъ — часть его не пробилъ.

Хотя Донское войско и получило отъ своихъ полковниковъ и атамановъ помянутый «радостный» рапортъ о дѣйствіяхъ противъ Пугачева, однако всѣ прошедшіе факты громко говорили, что съ Пугачевымъ дремать нельзя. Онъ могъ кинуться на Донъ, поворотивъ отъ Сарепты. Могъ обмануть Михельсона, какъ обманывалъ всѣхъ неожиданностью и невѣроятною быстротою своихъ поворотовъ. Бѣшеной скачкой по оренбургскимъ степямъ, по Башкиріи и по уральскимъ отрогамъ онъ доказалъ, что для него не существуетъ заранее опредѣленныхъ направленій: сегодня онъ мчится по кубанской дорогѣ, а завтра его пушки обратятся жерлами къ Дону, къ Черкаску, а то, пожалуй, и опять на сѣверъ, въ глубь Россіи. Его «проклятая волокита» слишкомъ сильна, его любимцы — казаки слишкомъ вошли во вкусъ человѣческой крови, чтобы не искать побѣдъ и новыхъ казней. Притомъ же, Донъ былъ такъ привлекателенъ для того, кто родился на берегахъ этого Дона, въ Зимовейской станицѣ.

«И хотя — разсуждало войско Донское — напоминаемый злодѣй отъ Царицына отвращенъ, пораженъ (?) и преслѣдуется храбрыми ея императорскаго величества войсками, но однако войско Донское, на всякой непридвидимый случай, а притомъ и отъ набѣговъ измѣнниковъ калмыкъ предосторожности своей не оставляетъ».

Дѣйствительно, къ прежде командированнымъ къ Царицыну полкамъ Василья Перфилова, Михайла Денисова, Василья Манкова, Карна Денисова, Григорія Повдѣва и Варлама Денисова, оно вновь снарядило отряды съ атаманомъ Макаромъ Грековымъ и подполковникомъ Петромъ Поповымъ, Акимомъ Карповымъ, Павломъ Кирсановымъ, Матвѣемъ Платовымъ, Акимомъ Уваровымъ и Иваномъ Харитоновымъ, изъ коихъ одна половина этихъ полковниковъ должна была слѣдовать съ своими отрядами по пра-

вой сторонѣ Дона, а другая половина по лѣвой, вверхъ по теченію этой рѣки, вплоть до Кутморской станицы, а въ случаѣ нужды и до Пятиозбѣ.

Это была живая, подвижная крѣпость, которая должна была оберегать донскіе предѣлы съ востока, тогда какъ съ сѣвера, для обереженія верховныхъ станицъ, медвѣдичиныхъ и бузулукскихъ, растянуты были команды, называвшіяся «поголовными», потому что составлялись поголовнымъ ополченіемъ угрожаемыхъ Пугачевымъ станицъ, и главное начальство надъ этими командами было поручено, какъ мы и видѣли выше, походному атаману Абросиму Луковкину, имѣвшему подъ своимъ началомъ нѣсколько другихъ полковниковъ и походныхъ старшинъ.

Но хотя главныя силы Пугачева тянулись уже ниже Царицына, однако опасность для средняго Поволжья еще не миновала. Пугачевщина — это была живая, дикая сила, которая одарена была способностью самозарожденія. Случалось такъ, что въ извѣстной мѣстности, гдѣ она, повидимому, была уже совершенно подавлена, вытравлена, такъ сказать, и всѣ толпы разсыяны, переловлены — вдругъ снова выростали «толпища», какъ изъ земли, и снова надо было душить ихъ, если только у мѣстныхъ властей хватало на это силы.

Мы видѣли выше, что волжское войско все пошло за Пугачевымъ. Жилища ихъ, хутора, станицы и главный городъ Дубовка, представляли видъ какого-то опустошенія: тамъ оставались только казачки, казачата, еще не доросшіе до сѣдла и дротига, да старики, уже отжившіе и отслужившіе свое время. Пушки вьезы, казна вывезена въ Царицынъ, войсковой атаманъ, старикъ Персидскій, также укрылся въ этомъ городѣ, оставивъ свое войско на произволъ судьбы. Понятно, что для пугачевцевъ такая мѣстность представляла особый разгулъ, а пугачевцы, какъ мы сказали, самозарождались вездѣ, не только тамъ, гдѣ уже разъ было брошено сѣмя этой саранчи, но гдѣ оно и не было брошено. Оставшіяся, послѣ атамана Персидскаго, заправлять несуществующимъ волжскимъ войскомъ, депутатъ Василій Венеровскій, по требованію прослѣдовавшаго черезъ земли этого войска Михельсона, послалъ на Донъ казака Цепкова, чтобы казаки донскихъ станицъ были немедленно командированы «въ армію» Михельсона. Цепковъ выѣхалъ изъ Дубовки и вдругъ наткнулся, между Волгою и Дономъ, на рѣкѣ Лазной, на «партію, человекъ до тысячи, пугачевской команды, съ есауломъ Сицкимъ». Это было 23-го августа, когда самъ Пугачевъ и его главныя силы были уже очень далеко отъ этой мѣстности. Помянутая партія пугачевской команды шла, какъ видно, отдѣль-

нимъ отрядомъ, догоняя главнаго предводителя. Эти пугачи видя находящи возможность свирѣпствовать даже въ опустошенныхъ жилищахъ: эти разбойники «донскихъ казаковъ и волскаго войска въ хуторахъ множество побили въ смерть». Между прочимъ они покололи депутата Дьяченкова, прапорщика Мелеховскаго, Петра Зайченка, двухъ Грековыхъ. Другихъ захватили съ собою силою. Это уже была новая пугачевщина и волжскому войску, его опустѣлымъ станицамъ и главному городу грозила новая опасность. Венеровскій просилъ у Цыплетева помощи; но Цыплетевъ самъ ждалъ съ часу на часъ возвращенія только что отраженнаго имъ врага, о которомъ приходили такіа неопредѣленные вѣсти, съ такими грозными признаками.

Въ числѣ донцовъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, мы не упомянули имени полковника Алексѣя Иловайскаго. Ему поручено было поспѣшить на защищеніе царицынской линіи; но такъ-какъ въ то несчастное время все запаздывало, то и Иловайскій приблизился съ своимъ отрядомъ къ линіи только тогда, когда Пугачевъ не только прошелъ ее, но уже миновалъ и Сарепту, гдѣ онъ забавлялся цѣлыя сутки съ своими фрейлинами. Но опять-таки повторяемъ: силы Пугачева были не тѣ только, которыя группировались около него собственно, около его знамени, около его шатра. Кромѣ того, что хвостъ его «проклятой волокиты» тянулся за нимъ на сотни верстъ, буйные полковники его рыскали по разнымъ мѣстамъ, вдали отъ своего повелителя, съ своими собственными «волокитами» и «толпищами». На одно такое «толпище» наткнулся Иловайскій, поспѣвая къ Царицѣну. Приближаясь къ Грачевской вѣрности, на царицынской линіи, онъ отрядилъ впередъ, для рекогносцировки, партію казаковъ, которая, встрѣтивъ толпу пугачевцевъ, дала объ этомъ знать Иловайскому. Толпа успѣла уже перебраться за линію. Иловайскій, «устремившись и настижа ее за рѣчкою Мечетною, со всеусердной ревностію, по всеподданнической должности, усилился сдѣлать атаку (въ чему и господинъ походный атаманъ Луковскій и полковникъ Яновъ съ казаками въ подрѣшеніе поспѣшно гнали), оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды его потери, разбивъ, не малое число покололъ и сто шесть чловѣкъ взялъ въ плѣнъ». Предводитель толпы, «злодѣйскій полковникъ», ѣхавшій впереди, бѣжалъ съ небольшими силами. Иловайскій устремился за ними и гналъ ихъ до самой Сарепты; но за усталію лошадей, нагнать не могъ, особенно потому, что предводитель шайки, въ обѣ стычки («и въ первомъ и во второмъ ударѣ»), «не защищая свою партію, а ѣхавши впереди, бѣжалъ».

24-го августа, Яновъ послалъ тридцать человекъ казаковъ къ Татьяницкому форпосту для развѣдыванья, не встрѣтятся ли гдѣ «злодѣйское толпище». Обходя форпостъ, казаки увидѣли вдали быстро несущіяся табуны лошадей и за ними толпу всадниковъ съ тремя «хорунгами» (знаменами). Табу-накъ знамена не похожи были на знамена правительственныхъ войскъ, то казаки и догадались, что это толпа пугачевцевъ. Они тотчасъ же воротились къ форпосту и засѣли въ немъ. Всадники неслись прямо къ форпосту. Казаки приготовились встрѣтить ихъ «со всеусердїемъ», мушкетными выстрѣлами. На разстояніи ружейнаго выстрѣла, неизвѣстные люди, которыхъ было болѣе ста человекъ, остановились, и отъ партіи отдѣлились три человека.

— Кто въ форпостѣ «жива душа»? закричали они.

Съ форпоста никто не отвѣчалъ.

— Сдайтесь — и вамъ отъ государя худа не будетъ.

Казаки продолжали молчать. Разбойники выстрѣлили изъ мушкетовъ и разбили форпостныя окна. Въ свою очередь послѣдовали выстрѣлы и изъ форпоста. Одинъ разбойникъ былъ раненъ.

Тогда къ форпосту нагрянула вся толпа, и опять начались переговоры.

— Кто смѣетъ бунтъ чинить противъ его императорскаго величества? спрашивали разбойники.

Одинъ изъ засѣвшихъ въ форпостѣ казаковъ, Ларіонъ Тукаловъ, отвѣчалъ:

— Бунтуете вы, злодѣи!

— Покоритесь батюшкѣ-государю! кричали тѣ.

— Мы на вашего батюшку плюемъ, отвѣчалъ безстрашный Тукаловъ.

Тогда со стороны разбойниковъ послѣдовалъ залпъ изъ ружей. Казаки отвѣчали тѣмъ же — и у одной злодѣйской хорунги древко было перебито.

Разбойники взоткнули на пику какую-то бумагу и показывали издали.

— Одумайтесь, господа донскіе казаки! Изъ Петербурха курьеръ прїѣхалъ къ государю Петру Федоровичу съ бумагами отъ великаго князя; пишетъ, что матушечу-де свою, за обиду родителя, царской державы лишивъ, съ войскомъ къ намъ на сибурскъ идетъ.

— Вашимъ прелестнымъ словамъ мы не вѣримъ, отвѣчали съ форпоста, и снова послѣдовалъ ружейный залпъ.

Разбойники пошли на приступъ, но какъ съ ними не было ни одной пушки, то они и не могли выломать форпостныхъ «полевыхъ» воротъ.

Казани продолжали стрѣлять и нѣсколько человѣкъ убили. Но вдругъ со стороны царичинской дороги показалось нѣсколько кенныхъ, которые быстро свалили въ форпосту, и у одного на нихъ надѣта была казацкая шапка. Разбойники прекратили стрѣльбу и побѣжали на встрѣчу вновь прибывшимъ. Поговоривъ о чемъ-то, всѣ они стали торопливо собираться въ дорогу, поправляя сѣдла и подпруги.

Они, дѣйствительно, бѣжали; но проѣзжая мимо форпоста, изъ толпы ихъ раздались крики:

— Завтра мы къ вамъ будемъ! Прощайте!

Казани тотчасъ же вышли изъ форпоста, и «со всякимъ раченіемъ тѣхъ злодѣевъ преслѣдуя не малое число верстъ, однако, за усталю лошадей, достигнуть не могли».

Войску Донскому вообще было не мало работы. Оно все поднялось на ноги. Кромѣ поголовнаго ополченія, поставленнаго всѣми станицами, кромѣ «доброконныхъ» казаковъ, пошли въ поле и «худоконные», и старики, и «смалогѣтки», и «выростки» и «равнометные» и «юртовые» калмыки. Вызваны были полки, воевавшіе съ кубанцами. Все шло за тѣмъ, чтобъ «всѣми силами, до послѣдней капли крови того измѣннига-тирана Пугачева, съ его сволочною толпою на дальнее злодѣйство не допустить, но въ прахъ искоренить и истребить». Старики и дѣти поднялись и сѣли на конь, чтобъ, «сохраня свое отечество, заслужить отъ ея императорскаго величества всемилоствѣйшей государыни войску Донскому вѣчную и несмертельную похвалу на потомственные роды».

24-го августа, Луковкинъ вновь разбилъ то скопище пугачевцевъ, съ которымъ онъ бился у Молодельской станицы. Эта толпа разбита была уже при рѣчкѣ Сагарѣ. Въ числѣ плѣнныхъ находился одинъ сотникъ.

Но обратимся къ самому Пугачеву.

Прогулявъ въ Сарептѣ дѣльня сутки, онъ двинулся далѣе. Но этотъ прогуль времени оказался ошибкой непоправимой. Имѣя онъ впереди дѣльня сутки, онъ могъ бы пройти и все нижнее Поволжье, какъ прошелъ среднее, и Михельсонъ, при всей своей быстротѣ, не могъ бы его настичь до самой Астрахани. Астрахань легко сдѣлалась бы его добычей; а тамъ въ его руки попала бы и артиллерія, и морскія суда, и провіантъ, и матросы.

Но дни страшнаго человѣка были сочтены.

Въ ночь на 25-е августа, гусары Михельсона уже пробирались по окраинамъ поля, на которомъ спала или пировала дикая армія страшнаго человѣка, и живымъ кольцомъ обогнули эту армію.

Утромъ Пугачевъ увидѣлъ своего неутомимаго врага — и не узналъ его!

— Навалъ на меня съади *какой-то начальникъ*, съ великимъ корпусомъ, и на утренней зарѣ было сраженіе, на которомъ я былъ разбитъ, потерялъ почти всѣхъ людей, пушки, двухъ малолѣтнихъ дочерей и весь ограбленный мною во многихъ мѣстахъ багажъ.

Это было послѣднее пораженіе самозванца, послѣ котораго онъ уже не могъ оправиться. Страшная слава его прошла, кровавая звѣзда закатилась *.

XIII.

Но вотъ, когда Михельсонъ и Цыплетевъ сломили дикую силу человѣка, и когда оставалось только поймать этого человѣка, подобно вѣтру носившагося по солончаковымъ степямъ Заволжья, на сцену дѣйствія является Суворовъ, которому предстояло уже слишкомъ не громкое дѣло—изловить Пугачева, всѣми покинутаго. На такое дѣло нечего было бы и тревожить знаменитаго полководца, имя котораго гремѣло по всей Европѣ: дѣло это было бы по плечу любому поволжскому коменданту или мелкому начальнику разъѣздной команды.

Но какъ-то странно все дѣлалось въ то неудачливое время.

Напуганная успѣхами Пугачева, императрица хотѣла сама поспѣшить къ войску, чтобы предводительствовать имъ противъ дикаго казака. Но ей отсовѣтывалъ это удаленный отъ двора сановникъ, графъ П. Панинъ. Онъ самъ вызвался начальствовать войскомъ. Его благодарили, ему довѣрили это великое дѣло, въ самый его разгаръ, и онъ не двигался съ мѣста цѣлый мѣсяцъ! Когда Пугачевъ успѣлъ уже взять Курмышъ, Саранскъ, Пензу, Саратовъ, Камышинъ и уже готовился разбить шедшія къ нему на встрѣчу съ юга правительственныя войска, Панинъ только прибылъ въ свою пензенскую деревню!

Суворовъ, отличавшійся быстротою во всѣхъ своихъ походахъ—и этотъ спалъ. Бросивъ дунайскую армію, чтобы спѣшить для борьбы съ Пугачевымъ, онъ цѣлый мѣсяцъ ѣхалъ отъ Москвы до Царицына, когда самая обыкновенная почта приходитъ изъ Москвы въ Царицынъ въ 7—8 дней.

Прибывъ въ Москву изъ дунайской арміи, Суворовъ явился къ князю Волконскому. Оттуда онъ поѣхалъ къ главнокомандую-

---

* Подробности этой битвы читателямъ извѣстны изъ Пушкина, Щебальскаго и моихъ монографій.

щему, графу Панину, къ его пензенскую деревню. Панинъ далъ ему полномочіе дѣйствовать въ взволнованныхъ провинціяхъ по своему усмотрѣнію, и отпустилъ его ¹. Даже императрица написала Суворову собственноручное письмо, которымъ свидѣтельствовала ему свое удовольствіе «за его рвеніе и дѣятельность» ², но за какую? Тутъ онъ пока не выказалъ еще никакой дѣятельности, а, напротивъ, показалъ непонятную въ его кипучей натурѣ медленность. Суворовъ поѣхалъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій съ небольшимъ отрядомъ, въ 50 человекъ. Онъ ѣхалъ на Пензу и Саратовъ. Въ Саратовѣ, онъ посадилъ свой отрядъ на судно, которое и должно было доставить его въ Царицынъ, а самъ ѣхалъ по берегу Волги, по астраханской дорогѣ. Уже отъ самой Пензы онъ встрѣчалъ по дорогѣ множество небольшихъ отрядовъ, выставленныхъ дворянами. Вотъ когда вздумали дворяне дѣйствовать, — тогда Пугачевъ былъ уже разбитъ...

Суворовъ прибылъ въ Царицынъ 1-го сентября. Тамъ онъ встрѣтилъ Михельсона, возвращавшагося затѣмъ, чтобы изловить свою жертву, которую онъ уже — собственно говоря — добилъ окончательно за недѣлю до этого. Суворову самому захотѣлось поймать Пугачева ³ и онъ взялъ къ себѣ михельсоновскіе отряды, а пѣхоту посажалъ на пугачевскихъ лошадей, которыя были отбиты, при пораженіи самозванца, все тѣмъ же Михельсономъ. Кромѣ того, Суворовъ взялъ съ собою только 2 пушки, двѣ сотни казаковъ и переправился черезъ Волгу у Царицына.

Передъ нимъ лежала степь, гдѣ не было ни жилья, ни воды, ни дорогъ. Въ этой степи могъ затеряться всякій слѣдъ, могла исчезнуть цѣлая армія, какъ исчезали огромныя толпы киргизъ-кайсаковъ, которыя, налетѣвъ саранчою на прибрежныя селенія, безслѣдно разсыпались потомъ по пустынѣ. Пугачевъ могъ броситься къ морю, къ Гурьеву-городку, могъ перерѣзать степь и выйти къ Яику, въ земли яицкихъ казаковъ; могъ, наконецъ, идти берегомъ Волги. Искать его — это значило, по народному выраженію, «искать вѣтра въ полѣ».

Но когда Суворовъ былъ въ Царицынѣ, къ Цыплетеву пришла вѣсть, которая отчасти указывала на слѣдъ, по которому можно было, хотя не легко, добраться до самого Пугачева.

Противъ Камышина, на луговой сторонѣ Волги, стоятъ боль-

¹ «Panin lui donna plein pouvoir: il envoya à tous les commandans des troupes ainsi qu'aux gouverneurs des provinces limitrophes l'ordre d'obéir au comte en toutes choses». Anthing, I, 156.

² ...«pour lui témoigner qu'elle était satisfaite de son zèle et de son activité». Ibid., pag. citat.

³ ...«afin de t'en rendre mattre lui même». Ibid. 159.

шая малороссійская слобода Николаевка, которая, за нѣсколько лѣтъ до Пугачева, основана была украинцами, вызванными изъ Малороссіи для возки соли изъ Елтона. Изъ этой слободы посланъ былъ въ степь съ развѣздною командою камышинскій купецъ Матвѣй Петровъ. 30-го августа, верстахъ въ двадцати ниже Николаевки, около Яблоннаго буерака, на нихъ напали невѣдомые люди, человекъ до 30, безъ сомнѣнія «изъ злодѣйской толпы», которые и разбили развѣздную команду. И въ Царицынѣ писали, что въ той-де злодѣйской толпѣ видѣли бѣлое знамя, «и потому примѣчаютъ что тутъ онъ Пугачевъ самъ». Тогда же пойманъ былъ изъ этой толпы одинъ «русскій человекъ» Аванасій Дубинкинъ, раненный, который показавъ, что онъ былъ въ толпѣ Пугачева и, по разбитіи ея Михельсономъ ниже Царицына, вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ на луговую сторону Волги. Бѣглецы направились вверхъ по теченію этой рѣки. Въ ту же ночь изъ Камышина и Николаевки отправлены были солдаты, казаки и всѣ способные носить оружіе для наблюденія за неизвѣстной партией, и изъ показаній ихъ дѣйствительно заключили, что «бѣлое знамя» принадлежало Пугачеву ¹.

По этому слѣду и направился Суворовъ. Онъ шелъ берегомъ Волги до самой Николаевки ². Такъ-какъ николаевскіе малороссіане, во время прохода Пугачева черезъ Камышинъ, бунтовали, какъ и всѣ прочіе крестьяне, то Суворовъ, чтобъ наказать ихъ, взялъ въ слободѣ 50 паръ воловъ, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы перевозить тяжести. Цѣль же его была совсѣмъ другая: такъ-какъ онъ углублялся въ степь, гдѣ, за неимѣніемъ припасовъ, приходилось бы голодать, то взятые имъ воды и должны были продовольствовать его отряды.

Изъ Николаевки Суворовъ, дѣйствительно, направился въ глубь степей ³.

¹ ...«По луговой сторонѣ снизу оказались весьма многочисленны толпы, идуть конницею вверхъ, и уже въ трехъ верстахъ ниже Дмитріевской Николаевской слободы».

² Антингъ называетъ Николаевку «un grand village de Michelowka en face de Demitrowska». Anthing, p. 160.

³ Историкъ Суворова, Антингъ, такими красками описываетъ этотъ степной походъ: «Ils entrèrent le lendemain dans les landes. Dans ces immenses déserts où il n'y avait ni habitations, ni chemins frayés, ils furent obligés de s'orienter pendant le jour sur le soleil et pendant la nuit sur les étoiles, comme s'ils eussent été en pleine mer. (NB. Этой фразой Пушкинъ въ своей «Исторіи» позаимствовался у Антинга, хотя нигдѣ не говоритъ, что онъ пользовался Антингомъ. Вотъ эта фраза: «днемъ должно было ему, Суворову, направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ») La chaleur du jour les

Скакавшіе, вслѣдъ за Михельсономъ, съ своими отрядами Меллинъ и Муфель опоздали только нѣсколько часовъ и уже не застали знаменитаго пораженія Пугачева при Соленинковой ватагѣ. Вмѣстѣ съ Михельсономъ, они повертели назадъ къ Царицыну. Когда переправился за Волгу Суворовъ, переправились и они. Въ то время, когда въ Царицынѣ собрались Суворовъ, Меллинъ, Муфель и Михельсонъ, прибылъ туда съ своимъ войскомъ и генералъ Мансуровъ. Онъ, впрочемъ, былъ въ Царицынѣ раньше Суворова. Ему предстояло не мало работы. Имѣя полномочіе отъ главнокомандующаго, онъ занялся казнями тѣхъ изъ захваченныхъ въ толпѣ Пугачева, которые оказывались наиболѣе виновными; однихъ съѣлъ «вещадно плетью» и внудомъ и «въ знакъ мерской измѣны» выбривалъ половину головы и половину бороды; другимъ, особенно помѣщичьимъ крестьянамъ, по наказаніи плетью, урѣзывалъ по одному уху; третьихъ, которые оказывались «придѣпившимися къ главному государственному бунтовщику съ самаго начала его явленія и составляли, по самую ихъ поимку, его сволочь, будучи всегда первыми начинщиками во всѣхъ злыхъ и пагубныхъ Пугачева дѣлахъ», этихъ «яко сущихъ разбойниковъ, измѣнниковъ и душегубцевъ», приказывалъ, «въ страхъ другимъ публично наказать смертію—повѣсить» *.

Но послѣдуемъ пока за главными дѣйствующими лицами—за Пугачевымъ и Суворовымъ, который смѣнилъ собою Михельсона. О Михельсонѣ, съ прибытіемъ Суворова, уже мало что-то слышно.

fit beaucoup souffrir dans ces terres sablonneuses, où ils ne trouvaient ni arbres, ni buissons; pour se mettre à l'ombre, il fallait faire des marches de nuit. Ils vécutent d'obstinance ne sachant pas pour combien de jours il leur faudrait du pain et de la farine. On fit bien la soupe à l'ordinaire, mais on coupa une bonne partie de la viande en petites tranches qu'on fit griller, et qu'on mangea en guise de pain afin de ménager la petite provision; qu'on en avait pour toute la marche». Ibid. 160—161. Для Аянгага все это казалось очень удивительнымъ и очень страшнымъ, тогда какъ для русскаго солдата степные переходы были не въ диковинку.

* Любопытенъ приказъ Мансурова, отданный по войскамъ, когда онъ былъ въ Царицынѣ. Вотъ что онъ писалъ Дымлетеву: «Со вступленія моего въ лагерь при городѣ Царицынѣ, слышу я наждато дня частые ружейные выстрѣлы. А какъ въ близости сихъ мѣстъ находится непріятель (это писано 31 августа), то отъ такихъ самовольствъ не произошли бѣ пустяка, а иногда и важныя тревоги, къ прекращенію чего ваше высокоблагородіе изволите приказать во всемъ городѣ публиковать, чтобъ отнюдь и никто не отважился никакую производить стрѣльбу, подъ опасеніемъ строгаго взысканія и штрафа, да и всѣмъ вашимъ, какъ пѣхотнымъ, такъ и коннымъ карауламъ подтвердить, чтобъ таковыхъ, гдѣ по близости случится, брать подъ караулъ и представлять ко мнѣ».

Пугачевъ, сообщая, на допросѣ, о своемъ послѣднемъ пораженіи у Солениковой ватаги, говорилъ:

— Я съ яицкими казаки и нѣсколькими крестьянами, съ женою и съ большимъ сыномъ, бѣжалъ къ Волгѣ, и въ торопливости, многіе вплавъ, а я съ женою въ лодкѣ пріѣхали на островъ. А какъ съ онаго еще надобно плыть, то Перфильевъ, не знаю для чего, остался и съ нимъ нѣсколько толпы монахъ людей. Переѣхавъ съ острова на луговую сторону Волги и отѣхавъ нѣсколько верстъ, ночевали. И послалъ я толпы своей Пустобаева съ однимъ казакомъ искать потерянной имъ одежды, а между тѣмъ, думалъ, найду-де и Перфильева. А какъ онъ поѣхалъ, то ко мнѣ уже не былъ, а я съ казаками, конкъ тутъ было 164, поѣхалъ въ степь.

Пугачевъ съ остатками своей толпы, убѣжавъ отъ преслѣдовавшихъ его михельсоновскихъ гусаръ, перешелъ черезъ Волгу при урочищѣ Каменномъ. Островъ, на которомъ онъ дѣлалъ небольшой роздыхъ, называется Сатковскимъ. На этомъ островѣ видѣли его казаки, посланные, въ день пораженія самозванца, черноарскимъ комендантомъ Перепечиннымъ, для преслѣдованія бѣглецовъ; но казаки ничего не могли сдѣлать, и только наблюдали, какъ «плавилась черезъ Волгу рѣку той злодѣйской толпы сволочь». Хотя казаки и достигли потомъ острова, переловили «повидныхъ» злодѣями лошадей, и на этихъ лошадяхъ пустились за Пугачевымъ вслѣдъ, но такъ-какъ лошади были слишкомъ изнурены, то казаки и потеряли самозванца изъ виду при урочищѣ Мухуръ-Зашунъ-Салѣ.

Михельсонъ, съ своей стороны, какъ только подоспѣли къ нему на мѣсто пораженія главныхъ силъ Пугачева, Меллинъ и Муфель, тотчасъ отправилъ перваго на луговую сторону Волги для гонки по слѣдамъ самозванца, а втораго къ Черному-Яру, чтобъ перерѣзать ему дорогу, если тотъ вздумаетъ опять броситься на нагорную сторону.

А, между тѣмъ, мы видѣли, что хитрый бунтовщикъ винулся совсѣмъ не туда, гдѣ его думали перевстрѣтить.

Вскорѣ потомъ, всѣ правительственныя войска перебрались за Волгу: Суворовъ, Меллинъ, Муфель, князь Голицынъ, Мансуровъ; перебрался за Волгу и князь Дундуковъ съ калмыками; отряды донскихъ казаковъ также очутились за Волгой. Отряды потянулись отъ Астрахани, отъ Гурьева, отъ Яицка. Пугачеву оставалось метаться въ безлюдной степи, между солонцами, какъ въ заколдованномъ кругу.

9-го сентабря мы видимъ Суворова въ степи, при рѣчкѣ Еру-

славѣ ¹. Это уже очень далеко отъ того мѣста, гдѣ мы оставили его въ послѣдній разъ, такъ-какъ Ерусланъ впадаетъ въ Волгу почти противъ города Вольска, а истоки его подходятъ къ самому Яицку.

Съ Еруслана Суворовъ писалъ Цыплетеву: «По полученному изъ Саратова извѣстію, увѣдомленъ я, что разбойникъ Пугачевъ частію бѣгъ свой наклоняетъ на рѣчки Узени, куда съ деташементомъ графа Меллина слѣдую. А чтобы онъ Пугачевъ, отъ передовныхъ командъ, преслѣдующихъ его, какого не сдѣлалъ обороту, и потому, ваше высокоблагородіе имѣете изъ Царицына, какъ отъ своей команды, равно и господина генералъ-маіора князя Багратіона, когда приведется, отъ своего деташемента, къ предупрежденію могущихъ произойти отъ злодѣя покушеній, съ содѣйствованіемъ отрядить къ озеру Елтонъ надлежащія команды».

Къ этому Суворовъ приписывалъ своей рукою:

«Хотя бы и не случилось, но весьма повороту Емелькина наблюдать, какъ отъ меня предписано его сіятельству, князю Багратіону, которому о семь ордерѣ дать знать и объявить».

Бросившись отъ Еруслана на перерѣзъ степей, Суворовъ, черезъ нѣсколько дней, писалъ уже изъ Николаевской слободы, что противъ Камышина: «Вступая въ сей день въ Николаевскую слободу, выправляюсь отсель къ рѣкѣ Узень съ деташементомъ господина маіора графа Меллина, куда, по извѣстіямъ, мнѣ дошедшимъ, разбойникъ Емельба ушелъ».

Вмѣстѣ съ Суворовымъ рыскали по степи, кромѣ графа Меллина, полковникъ Иловайскій съ казацкимъ полкомъ и яицкій старшина Мартемьяновъ, одинъ изъ тѣхъ старшинъ, которые остались вѣрны правительству ². Во время своихъ поисковъ за Пугачевымъ, эти отряды часто встрѣчали въ степи шайки крестьянъ изъ толпы Пугачева, и приводили ихъ въ повиновеніе безъ пролитія крови ³, потому что послѣднее пораженіе самозванца отняло у него много популярности и той обаятельности, которая неудержимо влекла къ нему, какъ крестьянъ, такъ и весь буйный, безпокойный, искавшій разгула отстой русскаго общества изъ непривилегированныхъ сословій.

¹ По Антигу — «la petite rivière de Gerslau dont les bords sont un peu baisés»; далѣе Суворовъ отправился «sur les cinq lacs Saitsch» (Заячьи озера).

² ...«le colonel du Don, Illowelski, avec un régiment de cosaques, et Martemianoff chef des cosaques d'Uralsk demeurés fidèles, dont une centaine l'accompagnaient». Ibid. 161.

³ Ces troupes avaient trouvé dans les landes plusieurs bandes de paysans du parti de Pugatschew, on les avaient ramenés à la raison et renvoyés dans leurs pays sans effusion de sang. Ibid., pag. citat.

Наконецъ, Суворовъ достигъ Узеней («qui se jette dans une eau dormante»). Тамешніе обыватели сказали Суворову, что Пугачевъ долженъ быть въ этихъ мѣстностяхъ.

Суворовъ, отрядъ котораго состоялъ изъ тысячи человекъ, при двухъ пушкахъ, хотѣлъ дѣлать поиски именно здѣсь, и раздѣлилъ своихъ людей на многіе мелкіе отряды. Онъ думалъ оцѣпить людьми всю ту мѣстность, и облавой захватить въ свои руки неутомимаго бунтовщика. Изъ этихъ тенетъ трудно было выскочить обыкновенному бѣглецу, но такому трагическому волеу, какъ Пугачевъ, легко было ускользнуть изъ всякихъ ловушекъ, еслибъ его не предали его собственные любимцы. 14-го сентября, Суворовъ успѣлъ уже напасть на слѣдъ самозванца въ гущѣ одного лѣса.

Но тутъ онъ узналъ отъ раскольничьихъ старцевъ, имѣвшихъ свиты, какъ по Узенямъ, такъ и по Иргизу, что въ это самое утро Пугачевъ былъ уже арестованъ своими приверженцами и отправленъ въ Яицкъ связанный по рукамъ и по ногамъ.

Обаяніе Пугачева, какъ видно, исчезло съ того самаго дня, какъ онъ былъ разбитъ на голову Михельсономъ. Даже яицкіе казаки не могли не видѣть, что дѣло его окончательно потеряно. Чтò ему и имъ оставалось дѣлать?

«Потомъ (то-есть когда, разбитые Михельсономъ, они перешли за Волгу) разсуждали мы, куда ѣхать и, по многимъ разговорамъ, согласились ѣхать на Узень, а тамъ собрать людей побольше, выйти на нижнюю яицкую дистанцію, собрать тамъ казаковъ, взять Гурьевъ, пуститься на судахъ въ море и взять какія ни на есть орды, согласить оныя и выйти пакн въ Россію».

Это — признаніе самаго Пугачева. Ему, можетъ быть, и казалось это возможнымъ, но большинство его приверженцевъ уже сослужилось этимъ мыканьемъ по бѣлу свѣту, этой невзвѣстностію будущаго. Цѣлый годъ прошелъ, а Россія все еще не признала ихъ пестуна своимъ государемъ; великій князь не шелъ къ нему на встрѣчу, какъ къ своему, спасенному чудомъ, родителю, съ сильною арміею; напротивъ, армія государыни, которую грозили засадить въ монастырь, побѣждала армію ихъ государя и еще недавно разбила ее «начисто». У государыни все еще крѣпко держались въ рукахъ бразды правленія, а у ихъ непризнаннаго государя, владѣвшаго уже половиною Россіи, разомъ все ускользнуло изъ рукъ, и онъ не зналъ, гдѣ ему голову преклонить въ своемъ обширномъ царствѣ. Мнимый царь потерялъ всѣ свои сокровища, роскошныя налатки, часть своего семейства, свои знамена, пушки, своихъ совѣтниковъ, свои

дорогіе экипажи и минался по степи на конѣ, подобно своему послѣднему подданному. Мнимый царь выбить былъ изъ земли яцкихъ казаковъ, и ему опять лежала одна дорога — протиснуться туда же, чтобы опять и оттуда его выбили, съ пораженіемъ. Даже въ самыя вѣрующіе его приверженцахъ могло закрасться подозрѣніе, если не въ дѣйствительности его царственного происхожденія, то въ успѣхъ его дѣла. А что впереди? Или вѣчное рысканье изъ города въ городъ, даже въ случаѣ удачи, или, въ противномъ случаѣ, цѣли, кнутъ, Сибирь или висѣлица. Казаки видѣли, что пора одуматься. Не думалъ, конечно, этого самъ Пугачевъ, потому что для него уже все было потеряно, для него не существовало даже раскаянья — ему все равно было пропадать; такъ ужъ лучше побиться, долгие тянуть эту смертную борьбу, потому что если въ концѣ борьбы видѣлась неизбежная смерть, такъ лучше пусть возьмутъ силой, чѣмъ самому протянуть шею въ петлю.

Казаки, такимъ образомъ, рѣшились пожертвовать Пугачевымъ, чтобы самимъ выиграть что-нибудь. И они пожертвовали имъ.

Согласившись пробраться въ Гурьевъ, чтобы оттуда на судахъ броситься въ море — въ Персію ли, къ паравалипамъ, или трухменцамъ, или куда-либо къ другимъ азіатскимъ народамъ, казаки, однако, предложили Пугачеву пробраться въ яцкія поселенія, чтобы взять оттуда своихъ женъ и дѣтей. Между тѣмъ, сами тихонько сговорились воспользоваться этимъ случаемъ, и, связавъ своего мнимаго царя, доставить его въ Янцѣ.

Такъ они и сдѣлали.

Уже въ самомъ началѣ ихъ скитанья по заволжскимъ стенамъ, самозванецъ догадывался, что между его приверженцами творится что-то неладное, но все продолжалъ упорно идти къ цѣли, кромѣ которой у него уже ничего не оставалось. Даже власть какъ-бы мгновенно вывалилась у него изъ ослабѣвшихъ рукъ. И прежде имъ иногда помыкали яцкіе казаки, пользуясь его безхарактерностью, его безвоіемъ. «Дворянъ и офицеровъ—признается онъ самъ — убивалъ я, большею частію, по представленію яцкихъ казаковъ, а самъ я столько жестоко отноудъ не былъ». Но когда счастье повернулось къ нему спиной, его уже ни въ грошъ не ставили.

— Когда переплылъ Волгу на яцкую степь, то нетолько посылать указы, но и воли уже я не имѣлъ, ибо яцкіе казаки не допускали никого со мною соединиться, и сколько ни желали къ моей толпѣ прилѣпиться, то казаки отнимали лошадей, говоря мнѣ, что допуская умножать толпу, будетъ замедленіе. Да и бумаги и чернилъ со мною вовсе не было.

Наконецъ, 14 сентября, казаки арестовали его, связали; потомъ, когда онъ, упорно думая, что дѣло его еще не совсѣмъ выгорѣло, вздумалъ уйти отъ нихъ, его забили въ колодку и привезли въ Яицкъ.

Ровно годъ челоуѣкъ этотъ носилъ имя русскаго императора. Ровно годъ рука, не умѣвшая держать перо, рука, три года наваждъ, укрывшая «сарюю лошадь», ровно годъ эта рука колебала до основанія великое русское царство, эта рука силсилась вырвать скипетръ изъ рукъ Екатерины, и ровно годъ отъ мановенія руки этой зависѣла жизнь и смерть цѣлой половины Россіи.

16-го сентября 1773 года, Пугачевъ послалъ свой первый указъ на Кожихаровъ форпостъ, объявляя, что онъ русскій императоръ и требуетъ, чтобы форпостные казаки шли къ нему въ службу. Въ этотъ же день онъ въ первый разъ развернулъ свои бѣлыя, съ раскольничьимъ крестомъ, знамена, сшитыя для него казакомъ Кожевниковымъ.

16-го сентября 1774 года, Пугачевъ сдѣлалъ уже въ Яицѣ, въ секретной комиссіи, закованный въ ручныя и ножныя кандалы, и былъ допрашиваемъ Мавринымъ.

Суворовъ, узнавъ отъ раскольничьихъ старцевъ объ арестѣ самозванца, и вида, что ему ничего не удалось сдѣлать и миссія его кончена, долженъ былъ ѣхать въ Яицкъ, чтобы принять на свои руки дорогаго плѣнника. Ночью онъ имѣлъ стычку съ киргизъ-кайсаками, разбилъ ихъ, но потерялъ своего адъютанта, котораго Пушкинъ называетъ Максимовичемъ, а Антингъ—Маримовичемъ (Marimowitsch).

Такъ кончилась Пугачевщина. Но не кончились ея послѣдствія. Буря утихла, но море еще волновалось, и бывшимъ на морѣ приходилось едва-ли не хуже, чѣмъ въ самую бурю, пока море не улеглось окончательно.

Д. Мордовцевъ.

Саратовъ, 1867.